

На небосводе популярной культуры информационного века
Уильям Гибсон — ярчайшая звезда.

The San Diego Union-Tribune

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Нулевое досье

Впервые на русском языке!

Издательство "Азбука"

Уильям Форд Гибсон
Нулевое досье
Серия «Трилогия Синего
муравья», книга 3

Издательский текст

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22203850
Нулевое досье: Азбука, Азбука-Амттикус; СПб.; 2017
ISBN 978-5-389-12556-8*

Аннотация

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“», начатая романом «Распознавание образов», продолженная «Страной призраков» и завершенная «Нулевым досье». Итак, уже знакомая нам героиня «Страны призраков» Холлис Генри – бывшая рок-певица, а теперь журналист – снова оказывается в поле притяжения Губерта Бигенда, магната-визионера от

рекламы. Бигенд обнаружил, что кто-то использует вирусный маркетинг хитроумнее и эффективнее самого Бигенда, – и поручает Холлис найти неуловимого дизайнера секретного бренда «Габриэль Хаундс» («Гончие Гавриила»)..

Впервые на русском!

Содержание

1	6
2	17
3	29
4	43
5	51
6	60
7	69
8	77
9	80
10	87
11	95
12	103
13	110
14	118
15	120
16	127
17	138
18	143
19	147
20	151
21	157
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Уильям Гибсон

Нулевое досье

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Моему редактору Сьюзен Аллисон

1

«Кабинет»

Сколько она помнила этот город, такси здесь всегда были черными.

То, что остановил для нее Инчмейл, выглядело аэродинамическим симулякром черных таксомоторов-пращуров. По серебристо-перламутровому корпусу – берлинской лазурью реклама чего-то немецкого: не то банка, не то бухгалтерского софта. Искусственная кожа сидений – ортопедически-бежевая.

– Тяжелые у них деньги. – Инчмейл высыпал ей в ладонь пригоршню монет по фунту. – Гуляй не хочу.

Монеты еще хранили тепло игрового автомата, у которого он на секунду притормозил на выходе со станции Кингз-что-то-там.

– У кого у них?

– У моих соотечественников. От щедрот.

– Не надо. – (Пытаясь отдать деньги.)

– На такси. – (Называя таксисту адрес на Портман-Сквер.)

– Ой, Редж. Все не так плохо. У меня есть. В акциях.

– Хуже некуда. Позвони ему.

– Нет.

– Позвони. – Инчмейл (борода, широкие плечи, японская

куртка из рубчатого гортекса в елочку, со сложными полами, застегнута на множество контринтуитивных пряжек) захлопнул дверцу такси.

Она смотрела через заднее стекло, как он, в первом часу ночи, уходит по Грик-стрит в студию – ломать упрямого Клэмми из «Тумб». Двигать искусство и зарабатывать деньги.

Затем она провалилась в себя и очнулась только за «Селфриджем», когда таксист повернул направо.

Вот и северная сторона Портман-Сквер. Холлис расплатилась с таксистом и, спеша избавиться от денег Инчмейла, дала щедрые чаевые.

Клуб, ультрамодный и современный, назывался «Кабинет», что подразумевало: «кабинет диковин». Инчмейл вступил в него вскоре после того, как они, трое оставшихся участников «Ночного дозора», продали китайскому автозаводу права на «Такой быть сложно». Инчмейл – он уже продюсировал один альбом «Тумб» в Лос-Анджелесе и собирался с Клэмми в Лондоне записывать второй – рассудил, что членство в клубе обойдется дешевле гостиницы. Холлис предполагала, что он не прогадал, но только в сравнении с очень дорогой гостиницей.

Сейчас она снимала номер в этом же клубе. Судя по ситуации на биржах и разговорам с нью-йоркским бухгалтером, надо было срочно подыскать местечко поскромнее.

«Кабинет» втиснули по вертикали в половину георгианского особняка из тех, чьи фасады напоминали ей лицо за-

дремывающего в метро пассажира. Вторую, западную, половину здания занимала неведомая организация, с которой клуб делил богато, но строго отделанный вестибюль. У Холлис было смутное ощущение, что это какой-то фонд, возможно благотворительный. Или в поддержку гипотетического мира на Ближнем Востоке. Так или иначе, посетители туда не ходили – по крайней мере, Холлис их ни разу не видела.

Никакой таблички у организации не было, ни на фасаде, ни на двери, как, впрочем, и у «Кабинета».

В первый же день Холлис заметила в баре исландских двойняшек, абсолютно неотличимых, с идентичным мельхиоровым пушком на голове: обе через соломинку тянули красное вино из больших пивных стаканов. «Ирландские понты», – заметил Инчмейл и счел нужным добавить, что исландки – не члены клуба. Члены клуба до звездности не дотягивали. Холлис это вполне устраивало, Инчмейла, видимо, тоже.

Он говорил, что купился на декор, и это очень походило на правду. Их – Инчмейла и декор – роднил элемент безумия.

Она толкнула дверь, в которую можно было бы, не пригибаясь, проехать на лошади.

– Добрый вечер, мисс Генри.

– Добрый вечер, Роберт.

Главной обязанностью Роберта – крупного молодого человека в добротном костюме из темной ткани в тончайшую

серую полоску – было ненавязчиво приглядывать за входной дверью.

Интерьер вестибюля не производил впечатления полностью и бесповоротно сумасшедшего, в том смысле, что здесь декораторы еще не окончательно пошли вразнос. Напротив входной двери высился огромный стол красного дерева, украшенный богатой резьбой, на которой в сплетении виноградных лоз происходило что-то смутно порнографическое. За столом дежурил служащий клуба, обычно тот или иной молодой человек в очках с черепаховой оправой (Холлис подзревала, это те черепаховые оправы, которые из настоящих черепах).

На столе умиротворяюще несовременно громоздились кипы бумаг, дальше плавно изгибались две симметричные полукруглые лестницы на первый этаж, который, как и все выше вестибюля, делился на несообщающиеся царства таинственного фонда и «Кабинета». С кабинетовской стороны по лестнице низвергались звуки коллективной попойки: разговоры и смех звонким эхом отлетали от мрамора оттенков старого меда, вазелина и табачных смол. Сбитые ступени кое-где залатали прямоугольниками заурядного бледно-прозаического материала. Холлис старательно избегала на них наступать.

Молодой человек в черепаховых очках, не дожидаясь просьбы, протянул ей ключи.

– Спасибо.

– Пожалуйста, мисс Генри.

За аркой между лестницами план здания выказывал признаки неуверенности, – видимо, необходимость разделить особняк пополам потребовала определенных жертв. Холлис нажала затертую, но регулярно начищаемую бронзовую кнопку и вызвала самый старый лифт, какой ей случалось видеть где бы то ни было – даже в Лондоне. Кабина размером с неглубокий стенной шкаф степенно двигалась за черной стальной сеткой.

Справа от Холлис, в тени, стояла витрина с чучелами, подсвеченная изнутри эдвардианской музейной лампой. Птиц (по большей части дичь – фазана, нескольких куропаток и еще каких-то незнакомых) установили на выцветшем бильярдном сукне, словно поймав в движении. Тусклый и несколько облезлый вид вполне соответствовал антикварному возрасту. За ними, в человеческой позе, сомнамбулически вытянув передние лапы, застыл поеденный молью хорек. Его зубы всегда казались Холлис нереалистически большими; она подозревала, что они деревянные и покрыты лаком. Нос и губы точно были подкрашены, что придавало хорьку вид зловещей дамочки, с которой не хотелось бы встретиться на рождественской вечеринке. Инчмейл посоветовал Холлис объявить хорька своим тотемом, духом-покровителем, добавив, что сам уже так сделал и немедленно обрел способность вызывать у топ-менеджеров музыкальных лейблов межпозвоночную грыжу – источник адской боли и му-

чительной беспомощности.

Пришел лифт. Холлис жила в клубе не первый день, так что с металлической дверью-гармошкой справлялась почти легко. Переборов желание кивнуть хорьку, она вошла в кабину и медленно поплыла на третий этаж.

Этаж узких, выкрашенных темно-зеленой краской, петляющих коридоров. Чтобы попасть в номер четвертый, надо было открыть несколько дверей, по виду – пожарных (они были толстые, тяжелые, самозахлопывающиеся). На зеленых стенах висели маленькие акварельные пейзажи без людей, каждый – с архитектурным капризом на заднем плане. Причем каприз был *один и тот же*, независимо от изображенной местности. Холлис не говорила об этом Инчмейлу, чтоб избежать вопросов: ему бы они доставили удовольствие, ей – нет. Что-то тут было слишком пограничное, на самом пороге восприятия. Лучше не думать. Жизнь и без того сложна.

Ключ на массивном бронзовом кольце с толстой плетеной кисточкой пурпурного шелка плавно повернулся в огромном замке. Холлис вдавила перламутровую серединку невзрачной гуттаперчевой кнопки, и свет выхватил из темноты все концентрированное безумие художников-оформителей «Кабинета».

Чересчур высокий потолок, – наверное, тут был целый зал, который разделили на номера. Холлис подозревала, что ванная больше самой комнаты. Хотя, возможно, это была оптическая иллюзия.

Декораторы еще подчеркнули высоту потолков за счет белых, по спецзаказу отпечатанных обоев с черными картушами, в которых, если всмотреться, угадывались увеличенные фрагменты энтомологических гравюр. Зазубренные жвалы, волосатые ножи, тонкие крылышки каких-то (Холлис предполагала – майских) жуков. Два предмета составляли почти всю обстановку номера четвертого. Первый – массивная кровать, сплошь облицованная резной моржовой костью, стояла у стены под исполинской нижней челюстью гренландского кита, почти клерикальной в своей строгой белизне. Второй – птичью клетку, такую большую, что Холлис при желании втиснулась бы в нее целиком, – декораторы подвесили к потолку. Минималистские галогеновые светильники на прутьях целенаправленно освещали различные артефакты в номере. В клетке лежали книги – не бутафорские, как с гордостью указал Инчмейл. Художественные и нехудожественные, они, похоже, все были про Англию. Пока Холлис прочла часть «Английских эксцентриков» Эдит Ситуэлл и взялась за «Одинокого волка» Джеффри Хаусхолда¹.

Она повесила плащ на мягкие, обтянутые атласом плечики, убрала в шкаф и села на край кровати развязать шнур-

¹ *Эдит Луиза Ситуэлл* (1887–1964) – английская поэтесса, прозаик, литературный критик. «Английские эксцентрики» (1933) – книга ее исторических повестей и очерков. *Джеффри Эдвард Хаусхолд* (1900–1988) – британский автор детективных романов, из которых самый известный – «Одинокий волк» (1939). Книгу экранизировали дважды: в 1941 и 1976 гг.; в 2017-м должна выйти новая версия с Бенедиктом Камбербетчем. (Здесь и далее – примеч. перев.)

ки. «Ложе полярного психоза», назвал эту кровать Инчмейл. «Сильнейшая истерия, – процитировала сейчас Холлис на память, – депрессия, копрофагия, нечувствительность к холоду, эхололия». Она бросила туфли в направлении открытой двери гардероба и добавила: «Вот только копрофагии не надо». Полярный психоз, он же пиблокто, он же арктическое безумие. Этноспецифическое умственное расстройство. Возможно, связанное с питанием. Конкретно с токсичностью витамина А. Инчмейл постоянно выдавал такого рода сведения, особенно в студии. Скорми Клэмми тазик витамина А, посоветовала тогда Холлис, ему не помешает.

Взгляд упал на три нераспечатанные картонные коробки слева от шкафа. В них лежали затянутые в пленку экземпляры британского издания ее книги. Книги, которую она писала в гостиничных номерах, пусть не таких примечательных, как этот. Холлис засела за работу сразу как пришли деньги от китайской рекламы. Поехала в «Стейплс» в Западном Голливуде и купила три китайских стола: раскладывать рукопись и бесконечные иллюстрации в угловом номере отеля «Мармон». Сейчас казалось, это было сто лет назад. И она не знала, куда девать авторские. Коробки с американским изданием так и остались в камере хранения «Трайбека-гранд-отеля».

– Эхололия, – сказала Холлис, встала, сняла свитер и, сложив, убрала в ящик шкафа – аккуратно, чтобы не задеть маленькое шелковое саше с ароматической смесью. (Эту мину

подложили в ящик служащие «Кабинета», но Холлис знала: если саше не трогать, оно не воняет.) Затем надела бежеватый кабинетовский халат, скорее бархатный, чем махровый, хотя странным образом без того, чем обычно раздражали ее бархатные халаты. Особенно мужчины почему-то выглядели в них поганцами.

Зазвонил телефон. Он являл собой коллаж: капитанского вида трубка из обтянутой резиной бронзы покоилась в кожаном гнезде на палисандровом кубе с бронзовыми уголками. Звонок был механический, дребезжащий – как будто велосипедный, и не здесь, а далеко внизу на пустой улочке. Холлис минуты две гипнотизировала телефон, надеясь, что он умолкнет.

– Сильнейшая истерия, – сказала она.

Телефон продолжал звонить.

Три шага, и ее рука легла на трубку.

Трубка была все такая же несуразно тяжелая.

– Копрофагия, – объявила Холлис тоном больничной медсестры, называющей отделение.

– Здравствуйте, Холлис.

Она взглянула на трубку, увесистую, как старый молоток, и почти такую же побитую. Толстый провод, оплетенный винно-красным шелком, касался голой руки.

– Холлис?

– Да, Губерт.

Она вообразила, что бьет трубкой по хрупкому антиквар-

ному палисандру, давит престарелого электромеханического сверчка. Поздно. Он уже умолк.

– Я видел Реджа.

– Знаю.

– И просил его передать, чтобы вы позвонили.

– Он передал.

– Рад снова слышать ваш голос.

– Время позднее.

– Ну тогда ложитесь, выспитесь, – бодро произнес он. – Я буду к завтраку. Мы с Памелой едем на машине.

– Где вы?

– В Манчестере.

Она вообразила, как рано утром вызывает такси. Улица перед «Кабинетом» пуста. Паддингтонский вокзал. Экспресс до Хитроу. Самолет. Другой номер в другой гостинице. И снова звонит телефон. Его голос.

– Манчестер?

– Норвежский черный металл.

Холлис представила норвежские этноукрашения и тут же поправила себя: музыкальный жанр. Голос в трубке говорил:

– Редж сказал, меня может заинтересовать.

Так вам и надо, подумала она. Субклинический садизм Инчмейла порой находил достойную жертву.

– Я собиралась спать допоздна, – сказала Холлис, просто чтобы не соглашаться сразу, хотя знала: теперь от него не уйти.

– Значит, в одиннадцать. Жду встречи.

– Доброй ночи, Губерт.

– Доброй ночи, Холлис.

Она положила трубку. Аккуратно, чтобы не ушибить скрытого сверчка. Он не виноват.

И она тоже.

Может, вообще никто не виноват.

2

«Предместье»

Милгрим разглядывал собакоголовых ангелов в магазине подарков «Голубой дельфин».

Их головы размером чуть больше половины натурального были из той же гипсовой массы, что аляповатые настенные украшения недавнего прошлого: пираты, мексиканцы, арабы в тюрбанах. Наверняка их тоже можно было сыскать здесь, в самой богатой сокровищнице американского сувенирного китча на его памяти.

Тела у ангелов под блестками и белым атласом были гуманоидные, неустойчиво прямые и вытянутые на манер Модильяни, лапы сложены молитвенно, как у средневековых статуй, крылья – от непомерно больших елочных игрушек.

Очевидно, решил Милгрим, глядя через стекло на полдюжины разных морд – бульдогов, эрделей, пуделей, – они служили памятью об усопших любимцах.

Держа руки в карманах, он перевел взгляд на соседнюю витрину и подивился обилию конфедератской символики. Кружки, магниты, пепельницы, статуэтки. Садовый жокей² в

² *Садовые жокеи* – фигурки в жокейских костюмах, которые устанавливаются перед домом, вроде садовых гномов. В руке фигурка обычно держит кольцо для привязывания лошадей. Традиционный садовый жокей – негр, что неоднократно было поводом для обвинений в расизме.

полметра высотой держал вместо традиционного кольца маленький поднос. Лицо и руки у него были ядовито-марсиански-зеленые (вероятно, из соображений политкорректности). Вокруг теснились пластмассовые орхидеи, кокосовые орехи с прорезанными дикарскими глазами и ртами, коллекции минералов в стеклянных коробочках. Милгрим чувствовал себя внутри великанского автомата с игрушками, в котором невытащенные призы копились десятками лет. Он поднял голову, почти ожидая увидеть безжалостный исполинский захват, но там висела лишь большая лакированная акула, похожая на фюзеляж игрушечного самолета.

Интересно, сколько лет магазину, если в названии «голубой» без всякой задней мысли? Наверняка часть сувениров сделана еще в оккупированной Японии.

Получасом раньше по другую сторону Норт-Оушен-бульвара Милгрим смотрел, как бритые мальчишки-новобранцы в скейтбордистской экипировке, еще блестящей от фабричной смазки, жадно таращатся на китайские мечи для истребления орков – шипастые и зазубренные, как челюсти вымершего хищника. Тут же висели карнавальные бусы, пляжные полотенца с конфедератскими флагами, поддельная атрибутика «Харли Дэвидсон». Милгрим подумал, сколько же ребят гуляет по Миртл-Бич накануне отправки в очередную горячую точку, по набережным и по выметенной ветром песчаной полосе вдоль океана.

Он проходил мимо старых – старше его – игровых автома-

тов. Какие-то духи-хранители, определенно не лучшие, шептали о культуре наркотиков, ввевшейся в жирный карнавальный налет этого места: волдыри от солнечных ожогов, блеклые татуировки, глаза, как у чучел на провинциальной бензоколонке.

У него была назначена встреча.

Он пришел якобы один. На самом деле – нет. Где-то неподалеку Оливер Слейт следил за точкой-Милгримом на экране телефона «нео», такого же, как у самого Милгрима. Он передал Милгриму «нео» в самолете Базель – Хитроу и велел постоянно носить с собой. Выключать только на борту коммерческих рейсов.

Сейчас он двинулся прочь от собакоголовых ангелов, от акульей тени. Мимо товаров для юного натуралиста: морских звезд, морских ежей, завитых раковин. Вверх по широким ступеням к Норт-Оушен-бульвару, пока не уткнулся взглядом в пупок молодой, глубоко беременной женщины. На женщине были джинсы с эластичными вставками, химически затертые в самых причудливых местах, и облегающая розовая футболка. Голый живот с вывернутым наружу пупком пугающе напоминал исполинскую грудь.

– Это вы? – Женщина прикусила нижнюю губу. Блондинка. Лицо, которое забудется через минуту. Большие темные глаза.

– У меня тут назначена встреча. – Милгрим снизу вверх смотрел ей в лицо, но не мог прогнать чувство, что обраща-

ется к пупку, или соску, прямо перед своим ртом.

Глаза у нее расширились.

– Вы не иностранец?

– Нью-Йорк, – признался Милгрим, вполне допуская, что это равносильно ответу «да».

– Просто не хочу, чтобы он вляпался, – проговорила женщина мягко и яростно одновременно.

– Мы все не хотим, – торопливо заверил он. – Никому этого не надо. – Его натужная улыбка ощущалась так, будто он давит резиновую игрушку. – А вы?..

– На восьмом месяце, – тоном глубокого благоговения перед собственной беременностью. – Он не здесь. И ему это сильно не нравится.

– Нам всем это не нравится, – ответил Милгрим и тут же засомневался, так ли стоило говорить.

– У вас есть навигатор?

– Да, – сказал он.

Вообще-то, Слейт объяснил, что в «нео» две системы навигации, американская и русская. Потому что американская сильно завязана на политику и вблизи некоторых объектов исключительно ненадежна.

– Он будет там через час. – Женщина передала Милгри-му чуть влажный сложенный листок бумаги. – Вам стоит выехать прямо сейчас. И вы должны быть один.

Милгрим набрал в грудь воздуха:

– Извините, но если надо ехать на машине, я не смогу

быть один. У меня нет прав. Придется просить друга. У него «форд-таурус-экс».

Она заморгала:

– Правда ведь, «форды» стали фигней со времени фигурных названий?³

Он сглотнул.

– У моей матери был «фристайл», – сообщила женщина. – Коробка передач – полное говно. Если в компьютер попадает вода, машина встает намертво. Надо его отсоединять. Тормозные колодки изнашивались за две недели. И вообще очень противно визжали.

Впрочем, воспоминание о чем-то привычном, связанном с матерью, ее успокоило.

– Естественно, – ответил Милгрим и сам удивился выражению, которого от себя не ждал. Он, не глядя, спрятал бумажку в карман и обратился к животу: – Вы могли бы сделать мне одолжение? Предупредить по телефону, что меня отвезет друг?

Женщина вновь закусила нижнюю губу.

– Мой друг богатый, – сказал Милгрим. – Ему не трудно.

³ В начале 2000-х гг. компания «Форд» приняла стратегию (впоследствии ее признали неудачной), согласно которой все ее пассажирские автомобили должны носить названия, начинающиеся с F. Согласно этой стратегии, представленный в 2005 г. полноразмерный кроссовер получил название *Ford Freestyle*; в 2008 г. его переименовали в *Taurus X*. В «форде-фристайл» впервые была применена бесступенчатая коробка передач.

– И она позвонила? – спросил Слейт, сидя за рулем «тауруса-Х».

Голос шел из бородки, которую Слейт регулярно подравнивал по трафарету, зажатому между зубами.

– Обещала, – ответил Милгрим.

– Обещала.

Они ехали от океана, к городу Конуэй, через местность, напоминавшую Милгриму самые несимпатичные окрестности Лос-Анджелеса. К многорядному шоссе с обеих сторон подступали аутлеты, «Хоум-Депо» размером с океанский лайнер, тематические рестораны. Уцелевшие магазинчики-старожилы по-прежнему держали связь с морскими промыслами и выращиванием табака. Легенды додиснейлендовских времен. Милгрим выискивал взглядом эти осколки прошлого. Ворота с надписью: «Продажа садового грунта». Четырехэтажный универмаг с двумя ломбардами. Магазинчик пиротехники с собственной бейсбольной площадкой. Мгновенные займы под залог ваших документов на автомобиль. Шеренги некрашеных садовых скульптур.

– Что там у вас за программа в Базеле? Двенадцать шагов? – спросил Слейт.

– Нет вроде бы, – ответил Милгрим, думая, что Слейт спрашивает, сколько раз ему переливали кровь.

– Насколько близко к месту приведут эти цифры? – спросил Милгрим.

Слейт, прежде чем тронуться, вбил числа с бумажки в свой телефон, который теперь лежал у него на коленях.

– Довольно близко. Похоже, сейчас свернем направо и будем у цели.

Они уже миновали Конуэй, во всяком случае, скопление торговых центров по окраине этого самого Конуэя. Здания поредели, в пейзаже проступали реликты бывших полей.

Слейт повернул направо, на дорогу, засыпанную дробленым серым известняком.

– Деньги под вашим сиденьем, – сказал он.

Хрустя гравием, они выехали к белому дощатому дому под нависающей крышей, но без крыльца. Придорожная архитектура минувшей эпохи, утилитарность без красоты. Рамы в четырех окошках заменили на пластиковые.

Милгрим зажимал между коленями тубус с калькой, в правом кармане слаксов лежали два завернутых в салфетку графитовых бруска. На заднем сиденье валялся пенопластовый рисовальный планшет формата А2 на случай, если понадобится ровная поверхность. Милгрим выудил из-под сиденья ярко-синий виниловый кармашек А5 на молнии и с тремя дырками под скоросшиватель. Пачка соток внутри при-

давала папке вес небольшого словаря.

Хруст гравия смолк. Они остановились чуть в стороне от здания. Прimitивную вывеску на двух серых столбах замыло дождем до полной нечитаемости: Милгрим разобрал лишь слово «СЕМЕЙНЫЙ» голубым курсивом с засечками. Других машин на гравийной площадке не было.

Милгрим вылез из машины, мгновение помедлил в задумчивости, затем снял с красного тубуса крышку, вытащил кальку, прислонил тубус к сиденью, взял деньги и захлопнул дверцу. Рулон прозрачных листов выглядел менее угрожающе.

Мимо по трассе проезжали машины. Милгрим, хрустя гравием, прошел десяток шагов до вывески. Над «СЕМЕЙНЫЙ» он разобрал «ПРЕДМЕСТЬЕ» осыпавшейся красной краской и, ниже, «РЕСТОРАН». В левом нижнем углу черной краской были когда-то нарисованы детские силуэты трех домов, в правом, синей – условные очертания холмов и, возможно, озера. И черная, и синяя краска выцвели почти полностью. Видимо, ресторан располагался за официальной чертой города, отсюда и название.

В тихом и по виду запертом здании кто-то трижды быстро стукнул по стеклу – возможно, кольцом.

Милгрим послушно подошел к входной двери, неся свернутую кальку как скромный скипетр, а другой рукой прижимая к боку виниловую папку.

Дверь открылась внутрь. За ней стоял регбист с порногра-

фической прической восьмидесятых годов. Или не регбист, но такого же телосложения: высокий, длинноногий, невероятно широкоплечий. Он отступил на шаг, приглашая Милгрима войти.

– Здравствуйте, – сказал Милгрим, вступая в теплый неподвижный воздух.

В доме пахло сильным дезинфектантом и застарелой готовкой.

– Я привез деньги, – продолжал Милгрим, показывая виңиловую папку.

Не используемый, но готовый к использованию ресторан. Законсервированный, как стратегический бомбардировщик В-52 в аризонской пустыне. Милгрим приметил в углу пустой стеклянный шар автомата для продажи жевательной резинки.

– Положите на стойку, – скомандовал молодой человек.

На нем были голубые джинсы и черная футболка – и то и другое, по виду, с каким-то процентом спандекса, и дутые черные кроссовки. На правом шве джинсов, довольно низко, располагался длинный узкий карман. Стальная клипса удерживала в нем большой складной нож.

Милгрим положил деньги на стойку. Она была из бирюзового пластика, табуреты перед ней – хромированные, с потертой искусственной кожей того же бирюзового цвета.

– Мне надо будет сделать прориси, – сказал он, чуть открывая папку. – Так лучше всего видны детали. А сперва

сфотографирую.

– Кто в машине?

– Мой друг.

– Почему вы без прав?

– Вождение в состоянии интоксикации, – ответил Милгрим. Что в некоем философском смысле было почти правдой.

Регбист молча обогнул пустую стеклянную витрину, где когда-то лежали сигареты и шоколадки. Оказавшись напротив Милгрима, он нагнулся и вытащил из-под стойки что-то в мятом полиэтиленовом пакете. Пакет положил на стойку, а виниловую папку придвинул к себе с таким видом, будто его накачанное спортивное тело действует само по себе, а он лишь безучастно наблюдает.

Милгрим открыл пакет и вытащил сложенные неглаженные штаны. Они были того песчано-бежевого оттенка, который, он знал, называется «койот». Милгрим разложил их на пластиковой стойке, достал из кармана фотоаппарат и начал снимать со вспышкой. Сделал шесть снимков спереди, затем перевернул штаны и сделал шесть снимков сзади. Отдельно сфотографировал каждый из четырех оттопыренных накладных карманов. Положил аппарат, вывернул штаны наизнанку и щелкнул еще несколько раз. Затем убрал аппарат в карман, аккуратнее расправил вывернутые штаны на стойке, расстелил поверх первый лист кальки и начал делать натирку грифельным бруском.

Ему нравилась эта работа – она как-то особенно умиротворяла. Его отправили в Хэгни к портному, который подгоняет одежду по фигуре, и тот целый вечер показывал, как правильно делать натирку. Милгриму отчего-то приятно было сознавать, что этот метод промышленного шпионажа освящен веками. Как будто перетираешь рисунок с мраморного надгробья или с бронзовых церковных дверей. Грифель НВ, если правильно его двигать, запечатлевал все детали швов и отстрочек, необходимые конструктору, чтобы изготовить лекала и воспроизвести модель.

Молодой человек тем временем открыл виниловую папку и пересчитал сотки.

– Им нужны ластовицы, – сказал он, закончив считать.

– Простите? – Милгрим поднял голову от работы.

– Ластовицы в шаговом шве, – сказал молодой человек, убирая деньги обратно в папку. – Они тянут при спуске дюльфером.

– Спасибо, – ответил Милгрим и показал измазанные графитом руки. – Переверните штаны, пожалуйста. Боюсь их запачкать.

>>>

– «Дельта» до Атланты, – сказал Слейт, вручая Милгриму пухлый конверт.

Он снова был в мерзопакостном костюме с нелепо корот-

кими брюками, который для поездки в Миртл-Бич сменил на менее раздражающий.

– Бизнес?

– Эконом, – злорадно ответил Слейт и вручил Милгриму второй конверт. – «Бритиш мидленд» до Хитроу.

– Эконом?

Слейт нахмурился:

– Бизнес.

Милгрим улыбнулся.

– Он ждет на встречу сразу из аэропорта, – добавил Слейт.

Милгрим кивнул.

– До свиданья, – сказал он и пошел к стойке регистрации – в руке сумка, под мышкой красный тубус.

Прямо над головой у него был флаг штата Южная Каролина, странно исламский со своими пальмой и полумесяцем.

3

Пыльная бахрама

Через многочисленные слои занавесок пробивался серый свет. Холлис некоторое время лежала и смотрела на повторяющиеся энтомологические картуши, которые к потолку становились все меньше и сплюсненнее. Полки с экспонатами кунсткамеры. Разновеликие головы из мрамора, бронзы, слоновой кости. Черное круглое дно запертой в клетку библиотеки.

Глянула на часы. Начало десятого.

Встала – в футболке «Тумб» размера XXL, надела небархатный халат и пошла в ванную, глубокую и высокую пещеру бежеватой плитки. Столетние краны циклопического викторианского душа, как всегда, поворачивались с трудом. Толстенные никелированные трубы для сушки полотенец огораживали его с трех сторон, к ним крепились стеклянные панели в дюйм толщиной (современные). Историческая лейка душа прямо над головой имела в диаметре дюймов тридцать. Холлис сбросила халат и футболку, надела одноразовую шапочку, встала под душ и намылилась кабинетовским мылом ручной работы, от которого слегка пахло огурцом.

Снимок этого душа она хранила в телефоне. Он напоминал ей машину времени Герберта Уэллса. Возможно, душ

уже работал в те годы, когда Уэллс печатал в журнале главы того, что впоследствии стало его первым романом⁴.

Вытираясь и намазываясь кремом, она слушала Би-би-си из-за узорчатой бронзовой решетки. Ничего особенно катастрофического со вчерашнего дня. Повседневный буднич- ный подтекст вхождения в штопор смикширован до фона.

Осталось снять шапочку и потрянуть волосами – они еще отчасти сохранили сделанную в «Селфридже» укладку. Хол- лис любила перекусывать в ресторанном дворике «Селфри- джа»; сбегать оттуда через заднюю дверь, пока не захва- тил коллективный транс шопинга. Хотя дальше транса де- ло обычно не заходило. Куда большую опасность таили мел- кие магазинчики, особенно в Лондоне. Взять хоть японские джинсы, которые она натягивала сейчас. Купленные неделю назад за углом от студии Инчмейла. Дзенская пустота, ча- ши с осколками застывшего индиго. Продавщица, немоло- дая миловидная японка, в костюме из «В ожидании Годо».

Надо держать себя в руках. Деньги.

Чистя зубы над мраморной раковиной, Холлис заметила между косметикой фигурку синего муравья: четыре лапки в боки, ухарская ухмылка. Ты меня подвел, мысленно упрек- нула она. Со времен знакомства с Бигендом у нее сохрани- лось совсем немного вещей: кой-какая ювелирка и вот этот

⁴ Роман «Машина времени» (1895) первоначально публиковался отдельными выпусками в журнале «Нью Ревью»; книжный вариант заметно переработан по сравнению с журнальным.

муравей. Холлис пыталась отделаться от него по меньшей мере один раз, да как-то не вышло. Она думала, что оставила муравья в ванкуверском пентхаусе Бигенда, но, приехав в Нью-Йорк, обнаружила его у себя в сумке. Ей пришла странная фантазия считать его оберегом. Мультипликационный торговый знак фирмы, он должен был тайно напоминать о нежелании связываться с этой конторой впредь.

Она надеялась, что муравей защитит ее от Бигенда.

У тебя не так-то много другой собственности, напоминала она себе, полоща зубы. Спасибо краху доткомов и неудачной попытке вложиться в продажу виниловых пластинок еще до встречи с Бигендом. Сейчас дела были не так плохи, но, по словам бухгалтера, на последнем биржевом обвале она обеднела почти вдвое. И в этот раз даже не по собственной вине. Никаких акций в стартапах, никаких донкихотских музыкальных магазинчиков в Бруклине.

Все ее нынешнее имущество находилось в этой комнате. Не считая обесцененных акций и коробок с авторскими экземплярами в «Трайбека-гранд-отель». Холлис выплюнула жидкость для полоскания в раковину.

У Инчмейла не было того страха перед Бигендом, что у нее. Но Инчмейл, при всем своем феноменальном уме, был наделен некой полезной душевной толстокожестью. Он считал Бигенда занятым. Впрочем, для Инчмейла «жутковатое» и «занятое» понятия вполне совместимые. В его глазах Бигенд не такая уж исключительная аномалия. Неприлично

богатый и до опасного азартный любитель поиграть со скрытой архитектурой мира.

Абсолютно невозможно внушить такой природной сущности, как Бигенд, что ты не хочешь иметь с ним дела. Это только больше его раззадорит. Ей уже случилось поработать на Бигенда: короткий и чрезмерно насыщенный период жизни. Холлис оставила его позади и занялась книгой, которая естественно выросла из того, что она делала (или думала, что делает) для Бигенда.

Однако же, напомнила она себе, застегивая лифчик и натягивая футболку, деньги, которые сократились почти вдвое, получены от «Синего муравья». Как ни крути. Она надела поверх футболки черный мохеровый свитерок, разгладила его на боках и подтянула рукава. Села на край кровати, завязала шнурки. Вернулась в ванную нанести макияж.

Сумочка, айфон, ключ с шелковой кистью.

Коридорами мимо одинакового архитектурного каприза в разных пейзажах. Нажать кнопку, дожждаться лифта. Холлис прижалась лицом к стальной сетке, чтобы видеть, как снизу ползет кабина с невероятным электромеханическим Тесла-агрегатом на крыше – аутентичным, не дизайнерской репликой. Всякий раз Холлис не без тайного удовольствия отмечала на нем жирную бахрому пыли – такой родной в стерильной обстановке «Кабинета». И даже несколько окурков – англичане в этом смысле полные свиньи.

Вниз на лифте, на этаж над вестибюлем, где уже убра-

ли все следы ночного гудежа. Служащие клуба, на удивление здоровые среди безумия его интерьеров, деловито снова-ли между столиками. Холлис села у стены под инкрустированной деревянной конструкцией, которая прежде, вероятно, служила стойкой для ружей. Теперь на ней красовались бивни нарвала.

Молодая итальянка, не дожидаясь заказа, принесла ей кофе в серебряном кофейнике, кувшинчик горячего молока и «Таймс».

Холлис только налила себе вторую чашку («Таймс» она даже не развернула), когда на лестнице в другой стороне ресторана показался Губерт Бигенд в широком, песочного цвета тренчкоте.

Он безусловно принадлежал к типу мужчин, который ассоциировался у Холлис с бархатными халатами. И даже выглядел как в халате, когда шел к ней через весь зал, расстегивая на ходу пояс и разводя крымские лацканы⁵, за которыми она увидела – первый и наверняка последний раз в жизни! – костюм цвета «Международный синий Кляйна»⁶. Почему-то

⁵ Хотя классический габардиновый тренчкот появился только в 1901 г., военный плащ такого фасона был создан раньше: для британских офицеров во время Крымской войны.

⁶ Ив Кляйн (1928–1962) – французский художник-авангардист. Создавал монохромные полотна: сначала оранжевые, розовые и другие, потом – только синие. Для них он разработал и запатентовал особый ультрамариново-синий цвет, похожий на тот, что использовался в средневековой живописи: «Международный синий цвет Кляйна».

при каждой новой встрече ей казалось, будто Бигенд заметно раздался вширь, ничуть при этом не располнев. Просто стал еще больше. Возможно, это было как-то связано со *сближением*.

Люди за столиками вжимали голову в плечи, не столько из страха, что Бигенд заденет их развевающимися полами, сколько от ощущения, что он их не видит.

– Холлис, вы великолепны.

Она встала, и он поцеловал воздух рядом с ее щекой. Вблизи Бигенд всегда казался чересчур полнокровным. Порослячи розовым. Теплее обычного человека. И пахло от него каким-то древнеевропейским лосьоном.

– Сомневаюсь, – ответила она. – Посмотрите на себя. На свой костюм.

– Мистер Фиш⁷, – объявил Бигенд.

Он выбрался из тренчкота, бренча люверсами и D-образными пряжками. Его галстук был почти точно в тон светло-золотистой рубашке.

– Он замечательный, – сказала Холлис.

– Он не умер, – улыбнулся Бигенд, усаживаясь в кресло напротив.

– Не умер? – Холлис тоже села.

– Очевидно, нет. Просто очень хорошо прячется. Я нашел

⁷ Майкл Фиш (р. 1940) – легендарный британский кутюрье, создавший многие заметные образы британской моды шестидесятых и семидесятых годов. После инсульта, с 2004 г., находится в клинике.

его закройщика. На Сэвил-роу.

– Это же синий Кляйна, да?

– Конечно.

– Выглядит радиоактивно. В костюме.

– Выбивает собеседника из колеи.

– Надеюсь, вы надели его не ради меня.

– Само собой. – Бигенд снова улыбнулся. – Я ношу его, потому что он мне нравится.

– Кофе?

– Черный.

Холлис подозвала итальянскую официантку.

– Как вам черный металл?

– Рычаг тремоло, – ответил Бигенд тоном легкого беспокойства, – сдвоенная педаль басовой бочки. Редж считает, в них что-то есть. – Он чуть склонил голову набок. – А вы?

– Я не слежу. – Холлис налила себе в кофе молока.

Подошла итальянка. Холлис заказала мюсли, Бигенд – полный английский завтрак.

– Мне понравилась ваша книга, – сказал он. – И пресса вроде была хорошая. Особенно статья в «Вог».

– «Бывшая рок-звезда опубликовала книгу фотографий»?

– Нет, не так. Действительно хорошие отзывы. – Он отряхнул тренкот, который повесил на ручку кресла. – Работаете сейчас над чем-нибудь?

Она отпила кофе.

– Вам есть смысл продолжить, – сказал он.

– Сомневаюсь.

– Общество редко позволяет знаменитости в одной области прославиться в другой. Исключая скандалы, разумеется.

– Я не хочу быть знаменитостью.

– Вы уже знаменитость.

– Была. И довольна мелкая.

– Уровень безусловной славы, – произнес Бигенд тоном врача, объявляющего самоочевидный диагноз.

Некоторое время они сидели молча. Холлис делала вид, будто просматривает первые страницы «Таймс». Наконец появилась итальянка и такой же симпатичный темноволосый юноша, принесли завтрак на деревянных подносах с бронзовыми ручками.

Бигенд проводил взглядом округлый зад итальянки и сказал:

– Обожаю полный английский завтрак. Требуха. Кровяной пудинг. Бобы. Бекон. Вы бывали здесь до новомодной кухни? Наверняка бывали.

– Да. В ранней молодости.

– Уже тогда полный английский завтрак был гениальным. – Бигенд резал колбаску, что-то похожее на хаггис, сваренный в кишке мелкого животного вроде коалы. Он подцепил кусок на вилку и, прежде чем отправить в рот, объявил: – Вы кое-чем могли бы нам помочь.

– Нам.

Он прожевал, кивнул, проглотил.

– Как вы наверняка знаете, мы не просто рекламное агентство. Мы занимаемся трансляцией образа бренда, прогнозом тенденций, управлением поставщиками, прощупыванием молодежной аудитории, стратегическим планированием в целом.

– Почему тот ролик так и не вышел? Для которого вы заплатили нам столько денег за «Такой быть сложно»?

Бигенд обмакнул хлебец в жидкий желток глазуньи, откусил половину, прожевал, проглотил, вытер губы салфеткой.

– А вам это важно?

– Сумма была огромная.

– Это Китай, – сказал Бигенд. – Машина, для которой готовили рекламу, так и не вышла на рынок.

– Почему?

– Изъяны конструкции. Фундаментальные. Правительство решило, что с этой машиной нельзя выходить на международный рынок. Особенно в свете нескольких скандалов с вредными добавками в пищевых продуктах.

– Машина была настолько плоха?

– Бесповоротно. – Бигенд принялся нагребать на хлебец бобы. – Песня ваша не понадобилась. Чиновники, занимавшиеся проектом, насколько я знаю, по-прежнему живы-здоровы. Вполне себе оптимальный исход для всех заинтересованных лиц.

Он принялся за бекон. Холлис ела мюсли с фруктами, поглядывая на Бигенда. Тот ел быстро, методично заправляя

горючим тот метаболизм, который позволял ему работать на повышенных оборотах. Холлис никогда не видела его усталым или сонным после долгого перелета. Он как будто жил в собственном часовом поясе.

Бигенд доел раньше нее и дочиста вытер тарелку последним треугольничком поджаренного хлеба.

– Трансляция образа бренда, – сказал он.

– Да? – Холлис подняла бровь.

– История. Покупают не столько продукт, сколько связанную с ним историю.

– Это что-то старое, – сказала Холлис. – Потому что я это уже слышала.

Она отпила глоток остывшего кофе.

– В некоторой степени идея стала самоисполняющимся пророчеством. Дизайнеров учат придумывать персонажей с историей – тех, для кого разрабатывается продукт, или их окружения. Стандартная процедура. Есть сходные процедуры в брендинге вообще, в создании новых продуктов, новых компаний, всего такого.

– И что, работает?

– Да. Но поскольку работает, стало фактом. Как только придумывается новый способ что-то делать, передний край сдвигается. Куда-то.

– Куда?

– Вот тут-то в этой истории появляется вы, – сказал Бигенд.

– Ничего подобного.

Он улыбнулся. У него, как всегда, было слишком много слишком белых зубов.

– У вас на зубах бекон, – соврала Холлис.

Прикрыв рот белой льняной салфеткой, Бигенд попытался отыскать несуществующий кусочек бекона. Потом опустил салфетку и оскалился.

Холлис сделала вид, будто вглядывается в его зубы.

– Мне показалось, там был бекон, – с сомнением произнесла она. – И меня не интересует ваше предложение.

– Вы – человек богемы, – сказал он, складывая салфетку.

– В каком смысле?

– Вы никогда не работали в штате. Вы фрилансер. И всегда были фрилансером. Не завели недвижимость.

– И не только от нежелания.

– Да, – сказал он. – Но когда вы пытаетесь заработать, ваше сердце к этому не лежит. Я сам – человек богемы.

– Губерт, вы, наверное, самый богатый из всех моих знакомых.

Говоря, Холлис сообразила, что это не совсем правда. Она встречала людей богаче Бигенда, но все они были куда скучнее. Он был, наверное, самым неординарным богачом, какого ей довелось знать.

– Это побочное следствие, – ответил он. – В частности, побочное следствие того, что мне глубоко безразличны деньги.

Как ни странно, Холлис ему верила – по крайней мере, в

этом. Капиталы Бигенда были как-то связаны с готовностью рисковать. С той самой готовностью рисковать, которая делала его таким опасным знакомцем.

– Моя мать принадлежала к богеме, – продолжал он.

– Федра, – неожиданно для себя вспомнила Холлис.

– Я постарался сделать ее старость как можно более обеспеченной. У людей богемы так бывает не всегда.

– Вы хороший сын.

– Редж – образец успешного человека богемы, не так ли?

– Да, наверное.

– Он постоянно что-то делает. Постоянно. Всегда что-то новое. – Бигенд глянул на нее поверх тяжелого серебряного кофейника. – А вы?

Тут он ее поймал. Заглянул прямо внутрь.

– А я – нет, – ответила она, поскольку ничего другого не оставалось.

– Вам надо что-нибудь делать. Причем не важно что. В этом-то главный секрет. Поскольку вы – человек творческий, любое дело выльется во что-нибудь по-настоящему ваше. Ведь так было прошлый раз, верно? Вы написали книгу.

– Но вы мне солгали, – сказала она. – Говорили, что у вас есть журнал и мне в него заказана статья.

– У меня был журнал, потенциально. Были сотрудники.

– Один!

– Два. Считая вас.

– Я не могу так работать. Не могу!

– На этот раз будет иначе. Гораздо менее... рискованно.

– АНБ прослушивало ваш телефон. Читало вашу электронную почту.

– Теперь мы знаем, что оно прослушивало всех. – Он ослабил светло-золотистый галстук. – Тогда не знали.

– Вы знали. Либо догадались, либо как-то выяснили.

– Некто, возможно, разрабатывает потенциально новый подход к трансляции образа бренда.

– Вы выражаетесь очень осторожно, – заметила Холлис.

– Некое абсолютно провокационное использование негативного пространства, – проговорил он как будто бы даже с огорчением.

– Кто?

– Не знаю. Не смог выяснить. Такое чувство, будто кто-то прочел и понял мой сценарий. А возможно, и расширил его.

– Так поручите дело Памеле, – сказала Холлис. – Она в таком разбирается. Или кому-нибудь еще. У вас наверняка целая армия людей, которые в таком разбираются.

– Но в том-то и дело. Те, кто разбирается, не нащупают переднего края. Не нащупают нового. Хуже того, они невольно затопчут новое, просто в силу некой узости, присущей профессионализму. – Бигенд промокнул губы сложенной салфеткой, хотя в этом не было нужды. – Мне нужна неизвестная величина. То есть вы.

Он откинулся в кресле и посмотрел на нее, в точности как смотрел недавно на аккуратную попку официантки, хотя

Холлис знала, что сейчас его мысли далеки от секса.

– Господи! – невольно выдохнула она, и ей сразу захотелось стать очень маленькой. Такой маленькой, чтобы спрятаться в бахrome пыли на крыше стимпанковского лифта, между бежевыми сигаретными фильтрами.

– Название «Габриэль Хаундс» вам что-нибудь говорит?

– Нет, – ответила она.

Он довольно улыбнулся.

Парадоксальный антагонист

Свет в самолете был приглушен. Милгрим лежал без сна под тонким пледом «Бритиш мидленд», чувствуя под боком картонный тубус.

Таблетки он принял пятнадцать минут назад. Время пришлось пересчитывать ручкой на задней обложке рекламного журнала авиалиний. Трудная задача – не спутать расписание приема при смене часовых поясов, особенно когда тебе не говорят, что ты принимаешь. Таблетки выдавали базельские врачи, всегда без фабричной упаковки. Ему объяснили, что это важная часть лечения. Все препараты были переупакованы в белые желатиновые капсулы, отличающиеся только размером. Вскрывать капсулы не разрешалось.

Милгрим затолкал пустой блистер вместе с рукописной инструкцией (день, час – все мелким почерком лиловыми чернилами) в карман на задней спинке переднего кресла, поглубже. Они останутся в самолете в Хитроу. Через таможенную велено ничего не проносить.

Паспорт лежал на груди, под рубашкой, в чехле Фарадея – для защиты информации в RFID-метке. Перехват RFID-меток был манией Слейта. Метки радиочастотной идентификации. Их сейчас клеят куда угодно и точно в последние аме-

риканские паспорта. Слейт сам обожал перехватывать RFID-метки, оттого, наверное, так параноил по их поводу. Можно сидеть в вестибюле гостиницы и удаленно собирать информацию из паспортов американских бизнесменов. Чехол Фарадея не пропускает радиосигналы, а значит, не дает считать метку.

Телефон «нео» – еще одно доказательство, что Слейт помешан на идее безопасности и, как подозревал Милгрим, контроля. У телефона была микроскопическая экранная клавиатура – пальцем не нажмешь, только стилусом. В клинике сказали, что координация глаз-рука у Милгрима хорошая, и все равно, набирая эсэмэски, он каждый раз чувствовал себя ювелиром. Что еще хуже, Слейт установил засыпание телефона через тридцать секунд простоя, и если задуматься больше чем на двадцать девять секунд, приходилось заново вводить пароль. На жалобы Слейт объяснил, что это ограничивает окно потенциального взлома полминутой и что в любом случае админских прав он Милгриму не даст.

«Нео», как постепенно понял Милгрим, был не столько телефоном, сколько *tabula rasa*, на которую Слейт мог удаленно, без ведома и согласия Милгрима, ставить и удалять приложения. Еще «нео» был подвержен тому, что Слейт называл «паникой ядра»: зависал и ни на что не реагировал до перезагрузки. Это состояние Милгрим хорошо знал по себе.

Впрочем, последнее время Милгрим реже впадал в панику, а если впадал, то перезагружался собственными силами.

Как объяснила психотерапевт в клинике, это побочный эффект того, что он действует не на автопилоте. Милгрим предпочитал не очень замечать такие побочные эффекты, чтоб не сглазить. Психотерапевт говорила, что главное для него, в смысле побочных эффектов уменьшенной тревожности, – отказ от регулярного приема бензодиазепинов.

Он, по-видимому, сейчас не принимал их совсем после очень постепенной отмены в клинике. Милгрим не знал, когда именно перестал получать бензодиазепины: одинаковые капсулы не позволяли определить. А капсул он принимал много, некоторые – с пищевыми добавками: клиника была с натуропатическим уклоном, что-то такое типично швейцарское. Впрочем, в остальном лечение было вполне агрессивное, начиная с неоднократных переливаний крови и заканчивая препаратом, который врачи называли «парадоксальный антагонист». Он вызывал особо странные сны: в них Милгрима преследовал Парадоксальный Антагонист – загадочный субъект, который почему-то ассоциировался у него с цветовой гаммой американской рекламы пятидесятых годов.

Милгрим скучал по психотерапевту. Так приятно говорить по-русски с интеллигентной женщиной. В переводе на английский это было бы совсем не то.

Он пробыл в клинике восемь месяцев, дольше всех остальных пациентов. Каждый при возможности тихонько спрашивал его, что за фирма. Милгрим поначалу отвечал произвольно, называя тот или иной культовый бренд сво-

его детства: «Кока-кола», «Дженерал моторс», «Кодак». У слушателей расширились глаза. Под конец он стал называть «Энрон»⁸. Глаза у слушателей суживались. «Энрон» появился оттого, что психотерапевт велела ему ознакомиться с событиями последних десяти лет. Которые, как она справедливо заметила, он полностью пропустил.

>>>

Ему снится высокая белая комната с полом мореного дуба. Высокие окна. За ними идет снег. Мир снаружи абсолютно безмолвный, плоский. Свет рассеянный.

– Где вы учили русский, мистер Милгрим?

– В Колумбии. В смысле, в Колумбийском университете.

У нее бледное лицо. Темные волосы расчесаны на прямой пробор и туго стянуты назад.

– Вы описывали свое предыдущее положение как неволю.

Это было после университета?

– Да.

– Считаете ли свое нынешнее положение таким же?

– Считаю ли я его неволей?

– Да.

⁸ Корпорация «Энрон» – крупнейшая американская энергетическая компания – обанкротилась в 2001 г. с громким скандалом, при котором были выявлены факты умышленной фальсификации финансовых документов и коррупции в высшем руководстве.

– Не в том же смысле.

– Ваше лечение здесь сто́ит очень больших денег. Знаете ли вы, почему их готовы на вас тратить?

– Нет. А вы?

– Даже догадок нет. Знаете ли вы, что такое врачебная тайна в моей профессии?

– Вы не должны никому пересказывать наши разговоры?

– Да. А как вы думаете, я ее сохранию?

– Не знаю.

– Сохранию. Когда я согласилась приехать сюда и работать с вами, я сразу поставила такое условие. Я здесь ради вас, мистер Милгрим. Не ради них.

– Приятно слышать.

– Но поскольку я здесь ради вас, мистер Милгрим, я о вас тревожусь. Это так, будто вы заново родились на свет. Вам понятно?

– Нет.

– Вы были ущербны, когда вас сюда привезли. Сейчас вы менее ущербны, однако восстановление – комплексный органический процесс. Если вам повезет, он будет продолжаться до конца вашей жизни. «Восстановление», возможно, неудачный термин. Да, вы восстанавливаете некоторые аспекты своей личности, но куда важнее то, чего у вас раньше не было. Первичные аспекты развития. У вас в определенном смысле произошла задержка в развитии. Теперь вы получили возможность расти.

– Но это ведь хорошо?

– Хорошо? Да. Приятно? Не всегда.

>>>

В Хитроу его ждал высокий бритоголовый негр с табличкой, на которой красным маркером средней толщины было выведено: «МИЛГРИМ».

– Милгрим, – сказал Милгрим.

– Анализ мочи, – ответил негр. – Сюда.

Ему с самого начала очень твердо объяснили, что сдавать анализы по случайному графику – условие непереносимое. Типа не хочешь – до свидания. Условие угнетало бы его меньше, если бы анализ брали в менее неловких ситуациях. Хотя, видимо, в неудобности и был главный смысл.

Негр повел Милгрима в заранее выбранный туалет, на ходу комкая и убирая в карман листок с красной фамилией.

– Сюда, – проговорил он, быстро идя вдоль ряда дверец.

Типичный британский туалет: не просто перегородки между унитазами, а каждый в отдельной кабинке с настоящей дверью. Первое культурное различие, которое Милгрим замечал после перелета. Наверное, англичанам американские туалеты кажутся уж слишком общественными. Негр указал Милгриму на пустую кабинку, обернулся и быстро шагнул следом. Потом запер дверь и протянул пластиковый гермопакет с баночкой. Милгрим аккуратно поставил крас-

ный тубус в угол.

Он понимал, что наблюдатель необходим. Иначе легко подменить баночку. Даже «пописать» из специального искусственного пениса. В нью-йоркской газете писали.

Милгрим вынул баночку из пакета, свинтил синюю крышку и совершил требуемое – на ум пришла фраза: «без дальнейших церемоний». Потом закрыл баночку, убрал в пакет и протянул негру – тренированным движением, так, чтобы тому не пришлось коснуться баночки с теплой мочой. Негр бросил все в бумажный пакет, который свернул и убрал в карман куртки. Милгрим повернулся и продолжил журчать, а негр открыл дверцу и вышел из кабинки.

Когда Милгрим тоже вышел, негр мыл руки, его бритая голова сияла отраженным люминесцентным светом.

– Как погода? – спросил Милгрим, намыливая руки под бесконтактным диспенсером.

Красный тубус стоял рядом на забрызганном искусственном граните.

– Дождь, – ответил негр, вытирая руки.

Вымыв и вытерев руки, Милгрим провел сырым бумажным полотенцем по нижней пластиковой крышке тубуса.

– Куда мы едем?

– Сохо, – ответил негр.

Милгрим вышел следом за ним, неся дорожную сумку через плечо, а красный тубус – под мышкой.

Тут он вспомнил про «нео».

Включил телефон, и тот сразу зазвонил.

На дороге не валяются

Холлис смотрела, как Бигенд, по-вампирски подняв ворот, спускается в вестибюль, скачками исчезая из виду с каждой ступенькой. Потом запрокинула голову и уставилась на витые копыя нарвалых бивней.

Через минуту она выпрямилась и попросила кофе с молоком – чашку, не кофейник. Постояльцы клуба в основном позавтракали и ушли. Остались Холлис и двое русских в темных костюмах, похожие на статистов из фильма Кроненберга⁹.

Она вытащила айфон и загуглила «*Gabriel Hounds*».

К тому времени, когда принесли кофе, она уже знала, что это роман Мэри Стюарт «Гончие Гавриила», название по меньшей мере одного компакт-диска и как минимум одной рок-группы.

Практически любое знакомое ей сочетание слов было названием какого-нибудь диска или группы. Вот почему у всех групп за последние двадцать лет такие незапоминающиеся названия, даже если участники гордились своей оригиналь-

⁹ Триллер канадского режиссера Дэвида Кроненберга «Порок на экспорт» (*Eastern Promises*, 2007, в главной роли – Вигго Мортенсен) рассказывает о русских ворах в законе в Лондоне.

НОСТЬЮ.

Однако изначальные гончие Гавриила, как выяснилось, были из народной легенды. В ветреные ночи люди слышали, как они гонят дичь высоко в небе. Дальние родичи Дикой охоты. Легенда абсолютно в духе Инчмейла, причем у нее были и более жуткие варианты. В них фигурировали псы с человеческими головами или даже с головами человеческих младенцев. Это связывали с верой, что гончие Гавриила охотятся на души младенцев, умерших без крещения. Язычество под маской христианства. В некоторых старых вариантах они назывались гаркавые выжлецы. Чистой воды инчмейловщина. Он бы тут же назвал подходящую группу «Гаркавые выжлецы».

– Принесли для вас, мисс Генри.

Итальянка протянула ей блестящий бумажный пакет, желтый, без надписей.

– Спасибо.

Холлис отложила айфон и взяла пакет. Он был запечатан степлером. Холлис вспомнила огромный степлер в виде головы турка на порнографическом столе. Ручки соединялись двумя прошитыми визитными карточками. ПАМЕЛА МЭЙНУОРИНГ, «СИНИЙ МУРАВЕЙ».

Холлис оторвала карточки и раскрыла пакет, разрывая бумагу степлерными скобами.

Очень тяжелая джинсовая рубашка. Холлис разложила ее на коленях. Нет, не рубашка. Куртка. Темнее ее японских

джинсов, ближе к черному. И от ткани пахло индиго, сильно. Землистый дух джунглей, знакомый по японскому магазинчику. Пуговицы-кнопки, черные, чуть шероховатые, без блеска.

Никаких логотипов снаружи. Ярлык под воротником внутри, из некрашеной кожи, толщиной как у среднего ремня. На нем выжжено не название, а неопределенный и смутно пугающий контур, в котором вроде бы угадывалась собака с младенческой головой. Клеймо, по всей видимости, согнули из одного куска проволоки, раскалили и вдавили в кожу, оставив на ней подпалины. Под нижним краем кожаного ярлыка была пришита сложенная белая тесьма с машинной вышивкой: три круглые точки треугольником. Размер?

Клеймо с условной головой пупса так и притягивало взгляд.

>>>

– Двадцать унций¹⁰, – объявила элегантно седовласая профессор джинсоведения, разложив куртку «Габриэль Хаундс» на полированной деревянной плите толщиной в фут, которая опиралась на чугунные ноги какого-то фабричного станка. – Слабби¹¹.

¹⁰ Вес джинсовой ткани измеряется в унциях на квадратный ярд и обычно составляет от 13 до 14,5 унции.

¹¹ *Слабби* – разновидность денима с непрорядками – мохнатыми утолщения-

– Что-что?

Женщина провела пальцами по рукаву куртки:

– Фактура ткани. Видите, какое грубое плетение?

– Это японский деним?

Женщина подняла брови. Сегодня на ней был колючий твидовый пиджак, брюки х/б, застиранные до неопределенного оттенка, рубашка из домотканого оксфорда и два широких (но разной формы) галстука в огурцах.

– Американцы разучились делать такую ткань. Может, японский. Может, нет. Где вы добыли эту куртку?

– Взяла у знакомого.

– Вам нравится?

– Я еще не мерила.

– Что же так?

Женщина обошла Холлис, помогла ей снять плащ и надеть куртку.

Холлис взглянула в зеркало. Расправила плечи. Улыбнулась.

– Неплохо. – Она подняла воротник. – Лет двадцать уже таких не носила.

– Сидит замечательно. – Женщина двумя руками провела по спине Холлис ниже лопаток. – Две плечевых склад-

ми на нити, которые раньше считались дефектом, а в наше время служат отличительной особенностью культовых японских джинсов из очень грубой и тяжелой ткани. Слабби-деним делают небольшими партиями на винтажных станках конца XIX – начала XX в.

ки-гольф¹² для свободы движений. Укрепленные изнутри эластичной тесьмой. Это детали «куртки механика» Генри Дэвида Ли, начало пятидесятых.

– Если ткань японская, то и шили в Японии?

– Возможно. Пошив, обработка деталей – все самого лучшего качества, но... Япония? Тунис? Даже Калифорния.

– Вы не знаете, где купить такую же? Или другую вещь той же фирмы? – Холлис почему-то не хотелось произносить название вслух.

Их взгляды в зеркале встретились.

– Слышали про секретные бренды?¹³ Знаете, что это?

– Наверное, – неуверенно ответила Холлис.

– Это очень секретный бренд, – сказала женщина. – Ничем не могу вам помочь.

– Но вы уже помогли. Спасибо.

Внезапно Холлис захотелось выбежать из восхитительно минималистского магазинчика, из мускусной атмосферы индиго.

– Спасибо большое. – Она надела плащ поверх куртки «Габриэль Хаундс». – Спасибо. До свидания.

¹² В случае куртки складка-гольф – открытая боковая складка, начинающаяся у плечевого шва или кокетки и зашитая на поясе у талии.

¹³ *Секретный бренд* – не рекламируемая открыто и не несущая лейблов продукция некоторых компаний (например, *Muji*). Обычно это высококачественные товары, рассчитанные на узкий круг фанатичных ценителей. При этом особенности вещей порой не улучшают их потребительских качеств и никому, кроме посвященных, не заметны.

По Аппер-Джеймс-стрит быстро шел молодой человек в надвинутом до глаз полушарии тонкой черной шерсти. Черный с ног до головы, за исключением белого небритого лица и белых от уличной пыли подошв.

– Клэмми! – машинально окликнула Холлис.

– Блин, – отозвался Клэмми с недавно приобретенным западно-голливудским акцентом. Его передернуло, словно от долго сдерживаемого напряжения. – Ты-то здесь как?

– Джинсовку ищу. – Холлис обернулась на магазинчик, потому что не помнила названия. И обнаружила, что у него нет вывески. – «Габриэль Хаундс». У них нет.

Клэмми, возможно, поднял брови – под черной лыжной шапкой было не видно.

– Вот такую. – Холлис распахнула плащ.

Клэмми сузил глаза:

– Где достала?

– У знакомого.

– Их, по ходу, хрен раздобудешь, – веско объявил Клэмми. Как будто впервые принял Холлис всерьез.

– Кофе?

Клэмми поежился.

– Я болею. – Он громко хлопнул носом. – Свалил со студии.

– Травяной чай. И лекарство, которое я пью для иммунитета.

– У тебя с Инчмейлом было? Тогда, в группе. Ребята го-

ворят, да.

– Нет, – твердо ответила она. – Ни плотски, ни платонически.

Непонимающий взгляд.

– Все уверены, что солистка должна спать с гитаристом, – пояснила она.

Клэмми насморочно ухмыльнулся:

– Угу. Про меня с Артуром так пишут.

– Вот-вот, – сказала Холлис. – Канадское лекарство на основе женьшеня. Добавка к травяному чаю. Точно не повредит.

Клэмми снова хлюпнул носом и кивнул.

>>>

Она надеялась, что у него и правда простуда. Иначе это была бы первая стадия героиновой ломки. Но, возможно, все-таки простуда плюс неизбежный стресс от работы с Инчмейлом.

Холлис заставила Клэмми проглотить пять капсул Колд-ФХ и сама приняла три для профилактики. Обычно они не помогали, когда уже совсем разболеешься, только если зацепить простуду в самом начале, но ради лекарства Клэмми согласился зайти в «Старбакс» на Голден-сквер, сразу за углом, и Холлис надеялась на эффект плацебо. Инчмейл, считавший Колд-ФХ очередным фуфлوميцином, утверждал, что у

него другого эффекта и нет.

– Принимай и дальше, – сказала Холлис, ставя пластиковый пузырек перед Клэмми рядом с бумажным стаканом горячей ромашки. – На инструкцию не смотри. Пей по три капсулы три раза в день.

Клэмми пожал плечами.

– Где ты, говоришь, оторвала «хаундсовский» куртяк?

– Взяла у знакомого.

– А он где добыл?

– Я не спрашивала. Мне сказали, это «секретный бренд».

– Не такой уж секретный, если знать. Просто найти трудно. «Хаундсы» на дороге не валяются.

– Он уже говорит, что надо перезаписать минусовки? – Холлис решила сменить тему. Тогда, если Клэмми сам вернется к джинсовке, она сможет поддержать разговор, не выдавая чрезмерную заинтересованность.

Клэмми поежился и кивнул.

– Предлагал писать в Тусоне?

Клэмми наморщил скрытый под шапочкой лоб.

– Вчера. – Он глянул через окно на опустевший из-за дождя Голден-сквер.

– Там есть одна студия. Его секрет. Соглашайся. И если потом он захочет заново писать вокал – тоже соглашайся.

– Тогда какого хера он выкручивает мне яйца сейчас?

– Его метод работы.

Клэмми закатил глаза – к потолку или к черной шапоч-

ке, – затем снова посмотрел на Холлис.

– «Хаундсы». – Джинсы на нем были черные, очень узкие. – Двадцать унций. Тяжелые, как зверь.

– Слабби?

– Ты слепая?

– Где ты их нашел?

– В Мельбурне. Там одна знала, где и когда.

– В магазине?

– В магазинах их не бывает. Только в секундах, да и то вряд ли.

– Я гуглила. Нашла роман Мэри Стюарт, рок-группу и диск другой группы...

– Посмотри следующие страницы выдачи, найдешь *eBay*.

– «Хаундсы» на *eBay*?

– Все паленые. Почти все. Китайские.

– Китайцы их подделывают?

– Китайцы, по ходу, подделывают все, – сказал Клэмми. –

Если на *eBay* всплывают тру-«хаундсы», кто-то сразу предлагает столько, что торг прекращают. Ни разу не видел, чтобы «хаундсы» ушли с аукциона.

– Это австралийский бренд?

У него стало то же брезгливое выражение лица, что при их прежних встречах.

– Да нет же. Это «хаундсы».

– Расскажи мне про них, Клэмми, – попросила Холлис. –

Мне надо знать.

6

Развязка

Пластиковый чехол «нео» напоминал Милгриму детекторы неоднородностей, какие продают в строительных магазинах. То же сочетание простоты и неудобства.

– Ластовицы? – спрашивал Рауш в телефоне.

– Он сказал, нужны. В шаговом шве.

– Что это такое?

– Тканевая вставка между двумя швами. Обычно треугольная.

– Откуда вы это знаете?

Милгрим задумался.

– Мне нравятся детали.

– Как он выглядел?

– Похож на регбиста, – ответил Милгрим. – С каскадом.

– С чем?

– Я не могу говорить, – сказал Милгрим. – Развязка близка.

– Что...

Милгрим нажал отбой.

Убирая «нео» в карман, он сел прямее, и ему передавалась мощная сосредоточенность хирургически пересаженного мотора. Бронированная четырехдверная «тойота-хай-

люкс» застыла на светофоре перед въездом на круговую развязку Хангер-лейн, самую большую в Англии и построенную не для слабонервных: семь полос машин, целеустремленно мчащих к семи разным съездам.

По словам Олдоса, другого водителя «Синего муравья», от них требовали ездить из Хитроу этим маршрутом, далеко не оптимальным, чтобы сохранить навыки, которые быстро теряются на лондонских улицах.

Внутренне собравшись для разгона с нуля на безопасных шинах, Милгрим глянул вправо, вниз, увидел колено водителя в соседнем ряду, обтянутое серой тканью в тонкую белую полоску, и пропустил момент, когда зажегся зеленый.

И вот они уже несутся по круговому шоссе, водитель умело бросает машину «хайлюкса» вбок, встраиваясь в крошечные просветы на соседней полосе.

Милгрим понятия не имел, отчего это доставляет ему такой кайф. До Базеля он бы всю развязку просидел зажмурясь, а если бы знал про испытание загодя – повысил дозу препарата. А сейчас сидел, ухмыляясь, и держал зажатый между колен тубус двумя руками, как джойстик.

Они выехали с развязки. Милгрим блаженно выдохнул и почувствовал на себе взгляд водителя.

Этот был не такой разговорчивый, как Олдос. Хотя, может, просто из-за анализа мочи. Олдосу ни разу не пришлось забирать анализ и ехать в Лондон с остывающей баночкой в кармане.

Олдос рассказал Милгриму про «тойоту-хайлюкс»: про янкелевскую броню¹⁴, пуленепробиваемые окна, боестойкую ранфлетовскую резину. «Защита уровня наркокартеля», – сказал Олдос. Зачем потребовался такой уровень безопасности, Милгрим не спросил, подозревая, что вопрос деликатный. В любом случае для Лондона их серебристо-серый пикап был явно нехарактерен.

После куда менее занимательного отрезка пути началась Юстон-роуд, а с ней и образ Лондона как такового.

Словно вхождение в игру: плоский лабиринт, фрактально составленный из мастерски проработанных, но не вполне реальных зданий, быть может слегка перетасованных с прошлого раза. Знакомые пиксели лишь предварительно намечены: сундук фокусника, нечто протеевское, потенциально даже неопасное.

Из-за ранфлетовских шин на битуме трясло сильно, на брусчатке вытряхивало душу. Милгрим откинулся на спинку сиденья и крепко ухватился за тубус. Водитель бесконечно крутил, держась, надо думать, примерно параллельно Тотнем-Корт-роуд. Направляясь в центр города, к Сохо.

>>>

У входа в «Синий муравей» ждал Рауш (водитель позво-

¹⁴ *Jankel* – британская фирма, специализирующаяся на выпуске лимузинов и бронезащите военных и правительственных автомобилей.

нил ему, пока они ползли в пробке на Бик-стрит). Сеял мелкий дождик, и Рауш прикрыл голову журналом. Полупрозрачный ежик темных волос, словно напыленных из баллончика, ершился очень по-раушевски: в нем, как и во всем облике, читалось стремление к небрежной простоте, нелепое в своей натужности. Узкий черный костюм был помят, колени висели мешками, белая рубашка со стороны поднятой руки вылезла из-под ремня. Очки в раскосой оправе не мешало бы протереть.

Водитель нажал кнопку и разблокировал пассажирскую дверь.

– Спасибо, – сказал Милгрим.

Водитель не ответил.

Перед ними было черное такси – пришлось подождать еще минуту, пока оно проедет.

Когда Милгрим толкнул тяжелую дверцу, она распахнулась с пугающей скоростью и, наверное, по инерции сорвалась бы с петель, не останови ее две крепкие нейлоновые стропки. Милгрим спрыгнул на асфальт, на миг уперся взглядом в красный огнетушитель под пассажирским сиденьем и, держа сумку и тубус, попытался захлопнуть дверцу плечом. «Ух», – сказал он, поставил сумку на тротуар, зажал тубус под мышкой и свободной рукой защелкнул бронированную машину.

Рауш нагнулся поднять сумку.

– Баночка у него. – Милгрим кивнул на пикап.

Рауш брезгливо поморщился:

– Да. Он отвезет в лабораторию.

Милгрим кивнул и принялся разглядывать толпу пешеходов в Сохо – она всегда его занимала.

– Они ждут, – напомнил Рауш.

Милгрим вслед за ним вошел в помещение «Синего муравья». Рауш приложил свой бейдж к стальной пластине, и дверь – двухдюймовая плита зеленоватого стекла – беззвучно открылась.

Вестибюль походил одновременно на очень дорогую частную школу искусств и на правительственное оборонное учреждение, – по крайней мере, как воображал их Милгрим. Люстра из тысячи очков с диоптриями отлично вписывалась в образ частной художественной школы; труднее сказать, что создавало впечатление Пентагона (или Уайтхолла?). Пять или шесть плазменных экранов демонстрировали последние достижения «Синего муравья», по большей части рекламные ролики европейских и японских автомобилей с бюджетом побольше иных полнометражных кинокартин; под ними двигались люди с такими же бейджами, как у Рауша. Их носили на шее на лентах разных цветов, иногда – с повторяющимся логотипом бренда или проекта. Пахло очень хорошим кофе.

Милгрим послушно смотрел на красный крест за стеклом бюро пропусков, пока глазок камеры медленно двигался в квадратном окошке, словно некое техническое устройство в

террариуме. Фотография, которую ему вручили через минуту, была в очень низком разрешении и на ядовито-салатовой ленте без всяких логотипов. Как всегда, у него возникло смутное подозрение, что по крайней мере одно из назначений бейджа – служить мишенью, буде возникнет такая необходимость.

– Кофе, – сказал он.

– Нет, – ответил Рауш, – они ждут.

Однако Милгрим уже шел к стойке с кофе – источнику дивных запахов.

– Маленький капучино, пожалуйста, – обратился он к баристе – блондинке с ежиком чуть длиннее, чем у Рауша.

– Они ждут, – нетерпеливо повторил Рауш с нажимом.

– Мне надо будет говорить. Без кофе никак, – ответил Милгрим.

Блондинка налила кофе в белую чашку, взбила молоко и изобразила им аккуратное сердечко, как с валентинки.

– Спасибо, – сказал Милгрим.

В лифте на четвертый этаж Рауш беззвучно исходил нетерпением. Милгрим был занят главным образом тем, чтобы ровно держать блюдце с чашкой.

Двери лифта открылись. За ними стояла Памела Мэйнуоринг. Милгриму подумалось, что вся она, начиная с великолепной челки на платиновых волосах, – идея зрелой женщины в представлении порнографа с очень хорошим вкусом.

– С возвращением, – сказала Памела, не замечая Рауша. –

Как Южная Каролина?

– Все хорошо. – Милгрим (красный картонный тубус в правой руке, чашка с капучино в левой) чуть приподнял тубус. – Привез.

– Отлично. Идемте.

Милгрим прошел за нею в длинное помещение с большим конференц-столом посередине. Бигенд сидел за дальним концом стола, спиной к окну. В первый миг Милгрим подумал, будто там что-то не так с компьютером, потом сообразил, что кобальтово-синее пятно – это костюм Бигенда.

– С вашего позволения, – сказала Памела.

Она взяла тубус и передала любимице Милгрима в модельерской команде Бигенда – молодой француженке, которая на сегодняшнее заседание пришла в шотландской юбке и кашемировом свитере.

– Фотографии есть? – спросила Памела.

– В сумке, – ответил Милгрим.

Покуда сумку ставили на стол и открывали, на окнах бесшумно опустились автоматические жалюзи. Сверху зажглись лампы, Милгримовы кальки аккуратно развернули на освещенном столе. Фотоаппарат, лежавший в сумке поверх одежды, теперь передавали вдоль стола из рук в руки.

– Ваше лекарство, – сказала Памела, вручая ему упаковку.

– Прошу садиться, – произнес Бигенд, вставая.

Милгрим сел справа от Памелы. Кресла были суперэргономичные, то ли швейцарские, то ли итальянские. Соблазн

понажимать торчащие из-под сиденья рычажки был очень велик, но Милгрим сдержался.

– Похоже на бундесверовскую натовскую форму, – заметил кто-то. – Штанины – типичные пятьсот первые «ливайсы».

– Но не верх, – возразила девушка в шотландской юбке и кашемировом свитере. – Двух защипов нет, посадка ниже.

– Фотографии, – произнес Бигенд (он стоял у французенки за спиной).

На плазменном экране в полутьме лондонского конференц-зала появилась бирюзовая пластиковая стойка семейного ресторана «Предместье» и на ней – штаны цвета «койот».

– Карманов для наколенников нет, – произнес молодой человек, американец.

– Нам сообщили, у них новая система крепления наколенников, – с медицинской серьезностью проговорила французенка. – Но я ее здесь не вижу.

Все молча смотрели на меняющиеся слайды.

– В какой мере они тактические? – спросил Бигенд, когда первая фотография появилась во второй раз. – Это модель для контракта с министерством обороны?

Тишина. Затем:

– Уличная одежда.

Говорила французская девушка, и говорила уверенно.

– Если это для военных, то не для американских, – доба-

вила она.

– Он сказал, нужны ластовицы, – вставил Милгрим.

– Что? – мягко спросил Бигенд.

– В шаговом шве. Чтобы не тянули при спуске дюльфером.

– Вот как, – сказал Бигенд. – Отлично. Просто отлично.

Милгрим осторожно отпил первый глоток кофе.

СВЧ-пушка на Фрит-стрит

Бигенд рассказывал свою историю в людном тапас-баре на Фрит-стрит (у Холлис было смутное ощущение, что она здесь не первый раз). История была о том, как кто-то с помощью СВЧ-пушки сжег чужой диск в соседнем здании в Москве. Пока что хорошего в ней было только то, что Бигенд называл жесткий диск винчестером и Холлис рисовалась уже совсем киношная картинка с пушками и ковбойскими ружьями. СВЧ-пушка, объяснил Бигенд, – генератор, который помещается в рюкзаке и вырабатывает шестнадцатимегаваттные импульсы. Холлис вдруг испугалась, что это такой мужской юмор и закончится история тем, что кого-то нечаянно поджарили через стену.

– Пострадали ли животные при создании этого анекдота? – спросила она.

– Я люблю животных, – объявил Милгрим, американец, с которым Бигенд познакомил ее в «Синем муравье». Сказано это было удивленно, как будто Милгрим обнаружил за собой любовь к животным только сейчас; имени его Бигенд не назвал, только фамилию.

После того как Клэмми затолкал белый пластиковый пузырек Колд-ФХ в карман узких «хаундсов» и вышел из

«Старбакса» под ненадолго проглянувшее солнышко (он решил вернуться в студию), Холлис немного постояла на мокром Голден-Сквер, затем – бесцельно, как уверяла себя, – побрела по Аппер-Джеймс в сторону Бик-стрит. Справа за первым перекрестком она увидела здание «Синего муравья» в точности там, где помнила, и вдруг поняла, что тайно надеялась не обнаружить его на месте.

Она нажала кнопку домофона. «Да?» – ответили круглые дырочки над кнопкой.

– Холлис Генри, к Губерту.

Дырочки поинтересовались, назначена ли ей встреча.

– Нет.

Толстая стеклянная дверь открылась почти мгновенно. За ней стоял симпатичный бородатый мальчик в спортивной вельветовой куртке по виду заметно старше него.

– Меня зовут Джейкоб. Мы пытаемся его разыскать. – Он протянул руку.

– Холлис.

– Заходите, пожалуйста. Я фанат «Ночного дозора».

– Спасибо.

– Хотите кофе, пока ждете?

Он указал на подобие караульной будки в искусно состаренную диагональную желтую и черную полосу. В будке очень коротко стриженная блондинка начищала кофемашину, похожую на гоночный автомобиль.

– Из Турина, – похвастался Джейкоб. – Три сотрудника

фирмы приезжали ее устанавливать.

– Разве меня не должны сфотографировать? – спросила Холлис.

Когда они первый раз пришли подписывать контракт, Инчмейла здорово разозлила здешняя система безопасности.

Тут телефон в правой руке Джейкоба заиграл «Ящик 1 из 1», самую ее нелюбимую дозоровскую песню. Холлис сделала вид, будто не замечает.

– В вестибюле, – сказал Джейкоб в телефон.

– Давно вы в «Синем муравье»? – спросила Холлис.

– Два года. Я, вообще-то, работал над вашим роликом. Мы были совершенно убиты, когда он не пошел. Знаете Дэмиена?

Дэмиена Холлис не знала.

– Режиссер. Убиты наповал.

Тут появился Бигенд в ультрамариновом костюме и накинутом на плечи тренчоте размером с хорошую походную палатку. С ним шли Памела и неприметный мужчина в хлопковой спортивной куртке и мятых слаксах. Мужчина был небрит; через плечо у него висела черная нейлоновая сумка.

– Милгрим. Холлис Генри, – сказал Бигенд.

Мужчина поздоровался и потом почти не открывал рта.

– Каких животных? – спросила она сейчас, чтобы не дать

Бигенду вернуться к рассказу.

Милгрим сморгнул.

– Собак, – ответил он быстро, словно его поймали на чем-то стыдном.

– Вы любите собак? – спросила Холлис.

Она была уверена, что человек, применивший СВЧ-пушку, был у Бигенда на жалованье, хотя тот без особых причин не скажет этого прямо.

– Я познакомился с милой собакой в Базеле, в... – (микровыражение тревоги), – в доме друзей.

– Собака ваших друзей?

– Да. – Милгрим напряженно кивнул, отпил глоток кока-колы и, моргая, сказал Бигенду: – Вы могли бы применить искровой генератор. Делается из видеоманитофона. Они меньше.

– Кто вам сказал? – спросил Бигенд с каким-то новым вниманием.

– Э... сосед по комнате. – Милгрим указательным пальцем тронул стопку белых овальных тарелочек для тапас, словно проверяя, что они ему не мерещатся. – Он такого боялся. Все время говорил, что боится. И злился.

Он виновато взглянул на Холлис.

– Понятно, – ответил Бигенд, хотя Холлис решительно ничего не поняла.

Милгрим достал из кармана сложенную аптечную упаковку, развернул и сосредоточенно наморщил лоб. В упаковке были белые капсулы разного размера. Милгрим аккуратно вытащил три, закинул в рот и запил кока-колой.

– Вы наверняка очень устали, – сказала ему Памела, сидевшая рядом с Холлис. – У вас же сейчас по американскому времени ночь.

– Ничего страшного, – ответил Милгрим, пряча в карман упаковку.

Холлис подумала, что в его чертах есть какая-то странная неопределенность, как у подростка, хотя на вид она дала бы ему тридцать с небольшим. Казалось, он не совсем освоился с собственным лицом и чувствует себя в нем немного стесненно. И не до конца верит, что это именно он сидит в кафе на Фрит-стрит, ест устриц, кальмаров и хамон.

– Олдос отвезет вас в гостиницу, – сказала Памела.

Олдосом, как догадывалась Холлис, звали одного из двух высоких негров, которые провожали их от «Синего муралья», неся на случай дождя зонты-трости с длинными лакированными ручками. Оба остались на улице и стояли молча, на расстоянии в несколько футов друг от друга, глядя на Бигенда через окно.

– Это где? – спросил Милгрим.

– В Ковент-Гардене, – ответила Памела.

– Мне там нравится. – Милгрим сложил салфетку и опустил ее рядом с башней из тарелочек. Посмотрел на Холлис: – Рад был познакомиться. – Кивнул сперва Памеле, затем Бигенду. – Спасибо за обед.

Потом отодвинул стул, нагнулся за сумкой, выпрямился, закинул ее на плечо и вышел.

– Где вы его нашли? – спросила Холлис, наблюдая, как за окном Милгрим разговаривает с высоким негром – надо полагать, Олдосом.

– В Ванкувере, – ответил Бигенд. – Через несколько недель после вашего отъезда.

– И что он делает?

– Переводит. Синхронно и письменно. С русского. В идиомах просто бог.

– Он... здоров? – Холлис не знала, как иначе сформулировать.

– Поправляется, – сказал Бигенд.

– Он переводит для вас?

– Да. Хотя сейчас мы видим, что он может быть полезнее в других областях.

– В каких?

– Он отлично примечает детали, – сказал Бигенд. – Мы начали использовать его по части одежды.

– Как-то он не похож на модника.

– И это, на самом деле, плюс.

– Он заметил ваш костюм?

– Не сказал. – Бигенд глянул на лацкан цвета «Международный синий Кляйна», выкроенный с размахом и широтой свингующих шестидесятых. Затем выразительно посмотрел на Холлис в ее «хаундсовской» куртке. – Что-нибудь выяснили?

В ожидании ответа он скатал в рулетик кусок прозрачного

хамона и аккуратно – словно боясь укусить себя за пальцы – убрал в рот. Принялся жевать.

– Это то, что японцы называют «секретным брендом», – ответила Холлис. – Только еще секретнее. Ни постоянных розничных точек, ни каталогов, ни интернет-ресурсов, если не считать нескольких загадочных упоминаний в блогах о моде. На *eBay* тоже нет. Китайцы уже начали подделывать, но халтурно. Если на *eBay* появляются настоящие, кто-то сразу делает предложение, после которого продавец закрывает аукцион. – Она повернулась к Памеле: – Где вы достали эту куртку?

– Мы дали объявления. Главным образом на форумах о моде. Нашли дилера в Амстердаме и согласились на его цену. Он, вообще-то, специализируется на неношеной рабочей одежде середины двадцатого века от малоизвестных фирм.

– На нее есть спрос?

– Это примерно как коллекционирование редких почтовых марок, только еще и носить можно. Среди его клиентуры есть поклонники «Габриэль Хаундс», хотя мы предполагаем, что в глобальной аудитории бренда они составляют меньшинство. По нашим данным, активная узнаваемость марки сейчас невысока: люди, готовые ради покупки на значительные усилия, уже есть, но максимальной численностью не более нескольких тысяч.

– А где купил куртку дилер?

– Говорит, что приобрел ее вместе с партией неношеной

винтажной одежды у скупщика и поначалу думал, это качественная японская подделка под винтаж, которую будет несложно перепродать.

– Кто такой скупщик?

– Человек, который ищет вещи для продажи дилеру. Дилер сказал, скупщик был немец, незнакомый. Рассчитывались наличными. Фамилию якобы не запомнил.

– Не может быть, чтобы бренд был уж настолько секретным. Сегодня после завтрака я нашла двух людей, знающих по меньшей мере то, что я вам и пересказала.

– И кто они? – подался вперед Бигенд.

– Продавщица в очень дорогом джинсовом магазине недалеко от «Синего муравья».

– А... – с нескрываемым разочарованием протянул он.

– И молодой человек, купивший такие джинсы в Мельбурне.

– Вот как? – Бигенд сразу просветлел. – И он сказал, у кого их купил?

Холлис взяла ломтик прозрачного хамона, свернула, обмакнула в оливковое масло.

– Нет. Но, думаю, скажет.

8

Кюретаж

Милгрим чистил зубы в ванной маленького, но безусловно фешенебельного номера под яркой и в то же время мягкой лампой и думал про Холлис Генри, женщину, которую Бигенд взял в ресторан. Она казалось смутно знакомой, хотя и не по «Синему муравью». Воспоминания последних лет десяти были обрывочны и путались во времени, но вроде бы Милгрим с ней раньше не общался. Но точно где-то видел. Он сменил мини-насадку на зубной щетке и начал чистить между верхними коренными. Пусть мысль о Холлис Генри утрясется. Утром он вспомнит, кто она. А нет – в вестибюле гостиницы есть макбук. Лучше гуглить в нем, чем в телефоне. Вообще-то, она приятная, Холлис Генри. Только не с Бигендом. Бигенд ей явно не по душе. За недолгое знакомство Милгрим успел это понять.

Он снова сменил насадку – взял ту, в которой на одноразовой пластмассовой вилке было натянуто полдюйма зубной нити. В Базеле ему вылечили зубы, а потом отправили его к парадонтологу. Кюретаж. Процедура довольно болезненная, зато теперь он чувствовал, что у него новый рот, правда требующий постоянного тщательного ухода. Лучшим в визитах к парадонтологу (помимо нового рта) была возможность по

дороге хоть немного посмотреть Базель. Иначе он бы просидел в клинике безвылазно, как обещал с самого начала.

Закончив с нитью, Милгрим почистил зубы электрической щеткой и прополоскал жидкостью из флакона. Темно-синее стекло напомнило про костюм Бигенда. Пантон-286, сказал себе Милгрим, но не совсем. Похоже, Бигенду в его костюме особо нравилось (помимо способности раздражать людей), что цвет нельзя точно воссоздать на большей части компьютерных экранов.

Жидкость для полоскания заканчивалась. Она была особая, с чем-то, что добавляют в самолетах к водопроводной воде. Багаж Милгрим не сдавал, а с собой дают проносить только маленькие флаконы. В Миртл-Бич пришлось экономить. Надо будет попросить в «Синем муравье». У них там есть особые люди, чья работа – добывать все, что угодно.

Он выключил свет в ванной и начал раздеваться, стоя рядом с кроватью. В номере было чуть многовато мебели; помимо прочего тут стоял портновский манекен, обтянутый той же терракотовой тканью, что кресло. Милгрим хотел было положить штаны в пресс для брюк, потом раздумал. Завтра пройдетя по магазинам. Он уже и сеть присмотрел – «Хакетт». Вроде «Банана Репаблик», но классом повыше и с какой-то не совсем понятной претензией.

Милгрим уже расстилал постель, когда зазвонил «нео». Эмуляция механического звонка на старом дисковом телефоне. Слейт.

– Оставьте завтра мобильный в номере, – сказал тот. – Включенный, на зарядке.

В голосе слышалось раздражение.

– Как вы там, Оливер?

– Компания, которая их выпускала, закрылась. Надо будет завтра кое-что перепрограммировать. – Слейт повесил трубку.

– Доброй ночи, – сказал Милгрим, глядя на телефон.

Затем положил его на ночной столик, лег на кровать в трусах и натянул одеяло под самый подбородок. Выключил свет. Провел языком по внутренней поверхности зубов. В комнате было чуть жарковато. И почему-то чувствовалось присутствие манекена.

Милгрим лежал, слушая или, по крайней мере, ощущая фоновую частоту лондонского звучания. Другой белый шум.

9

Муїло

Когда Холлис толкнула дверь, Роберт в своем добротном костюме не бросился ей открывать.

Его смел могучий ураган Хайди Хайд, бывшей барабанщицы «Ночного дозора». Роберт, обвешанный ее багажом, робко жался у лифта, возле витрины с магическим хорьком Инчмейла. Хайди, чуть позади Роберта, не уступала ему ростом, да, наверное, и шириной плеч. Великолепный хищный профиль узнавался с первого взгляда, и так же с первого взгляда было ясно, что она в ярости.

– Ее ждали? – тихо спросила Холлис у безымянного юноши в черепаховой оправе.

– Нет, – ответил он так же тихо, подавая ей ключи от номера. – Мистер Инчмейл несколько минут назад предупредил нас по телефону.

Круглые от ужаса глаза за стеклами очков – взгляд не гостиничного служащего, а человека, пережившего торнадо.

– Все будет хорошо, – заверила Холлис.

– Чего эта хреномундель не едет? – громко спросила Хайди.

– Ты его с толку сбиваешь, – сказала Холлис, подходя и ободряюще кивая Роберту.

– Мисс Генри, – проговорил тот. Вид у него был бледный.

– Не жми кнопку больше одного раза, – сказала Холлис Хайди. – Иначе он еще дольше думает.

– Херасе, – звучно произнесла Хайди из глубины отчаяния.

Роберт испуганно сморгнул.

Волосы у нее были радикально готского цвета, что означало выход на тропу войны. И почти наверняка она покрасила их сама, дома.

– Я не знала, что ты сюда собираешься, – сказала Холлис.

– Я тоже, – мрачно ответила Хайди и добавила: – Муйло.

Отсюда Холлис поняла, что околотоливудский брак Хайди пришел к ожидаемому концу. Ее бывшие теряли имена и в дальнейшем обозначались одним этим термином.

– Очень жаль слышать, – сказала Холлис.

– Устроил пирамиду, – объявила Хайди, когда пришел лифт. – А это что за угробище?

– Лифт. – Холлис открыла дверь-гармошку и жестом пригласила Хайди войти.

– Поднимайтесь, – сказал Роберт. – Я принесу вещи.

– Поместимся. – Хайди силой остервенения вдвинула Роберта в кабину.

Холлис проскользнула за ним и подняла складную скамейку красного дерева (на бронзовых петлях), чтобы освободить чуточку места.

Вблизи от Хайди пахло духами, аэропортовской нерво-

трепкой и старой натуральной кожей. Косуху – черную, вытертую по швам до цвета грязной бумаги, – Холлис помнила по временам «Дозора».

Роберт извернулся и нажал кнопку. Кабина поползла вверх, громко жалуюсь на перевес пассажиров.

– Этот пердоход нас угробит, – изрекла Хайди таким тоном, будто находит подобный финал скорее заманчивым.

– Какой у Хайди номер? – спросила Холлис у Роберта.

– Соседний с вашим.

– Отлично! – произнесла Холлис с несколько преувеличенным энтузиазмом.

Значит, номер с желтой шелковой кушеткой. Его тему Холлис совсем не понимала. Тему своего номера она тоже не понимала, но хотя бы чувствовала общую идею. Номер с желтой кушеткой имел какое-то отношение к шпионам, грустным, в каком-то очень британском смысле, и гадким политическим скандальчиком. И к рефлексотерапии.

Кабина остановилась на этаже. Холлис открыла дверь-гармошку и пошла вперед, открывая пожарные двери для Хайди и тяжело нагруженного Роберта. Хайди шагала по зеленым мини-коридорам, каждой мышцей выражая общее недовольство миром. Холлис увидела ключ от номера, зажатый у Роберта между пальцев, и забрала его. Кисточка была болотно-зеленой.

– Ты по соседству со мной. – Холлис отперла дверь и впустила Хайди, думая о слонах и посудных лавках. – Просто

поставьте все здесь, – тихонько сказала она Роберту. – Дальше уж я сама.

Она забрала у него из рук две неожиданно тяжелые картонные коробки размером примерно как для человеческой головы. Роберт тут же принялся выпутываться из остального багажа Хайди. Холлис сунула ему пятифунтовую банкноту.

– Спасибо, мисс Генри.

– Спасибо вам, Роберт.

Он вышел с явным облегчением, и она закрыла за ним дверь.

– Что это за херня? – был первый вопрос Хайди.

– Твой номер, – ответила Холлис, составляя ее вещи к стене. – Это частный клуб, в котором состоит Инчмейл.

– Клуб для *чего*? Вот это *что*? – (Указывая на большую шелкографию, которую Холлис назвала бы наименее странным предметом в номере.)

– Уорхол. Думаю.

Было ли у Энди Уорхола что-то по поводу скандала Профьюмо?¹⁵

– Надо было сразу прочухать, что Инчмейл откопает чего-нибудь в таком роде. Где он?

– Не здесь, – ответила Холлис. – Приехала Анжелина с малышом, и Редж снял дом в Хэмпстеде.

¹⁵ *Скандал Профьюмо* произошел в 1964 г., когда Джона Профьюмо, тогдашнего военного министра Великобритании, уличили в связи с танцовщицей, другим любовником которой был советский военно-морской атташе (и по совместительству шпион) Евгений Иванов.

Хайди взяла хрустальный графин, вытащила пробку, понюхала.

– Виски, – сказала она.

– Прозрачное в другом – джин, – предупредила Холлис. – Не вода.

Хайди плеснула в высокий стакан на три пальца кабинетовского виски, выпила залпом, передернулась и с пугающе резким звоном уронила стеклянную пробку точно в узкое хрустальное горлышко. Она вообще обладала какой-то противоестественной меткостью. Никогда не промахивалась дротиком по мишени, но не играла в дартс, только метала их.

– Хочешь об этом поговорить? – спросила Холлис.

Хайди скинула косуху и стянула футболку. Бюстгальтер на ней был защитного цвета и выглядел частью боевого снаряжения.

– Симпатичный лифчик.

– Израильский. – Хайди оглядела комнату. – Обои, как штаны Хендрикса.

– По-моему, они атласные.

Обои были в зелено-малиново-бежево-черную вертикальную полосу.

– Чего я и говорю. – Хайди подпернула израильский лифчик и села на желтую шелковую кушетку. – Почему мы бросили курить?

– Потому что это вредно.

Хайди шумно выдохнула.

– Он в тюрьме. Муйло. Под залог ни хера не отпускают.

Чего-то химичил с чужими деньгами.

– Я думала, все продюсеры это делают.

– Все, да не так.

– Он и тебя втянул?

– Шутишь? У меня брачный контракт толще, чем у муйла хер. Это чисто его проблемы. Мне просто надо было свалить.

– Я так и не поняла, зачем ты за него вышла.

– Хотела проверить, вдруг получится. А ты? Что здесь делаешь?

– Работаю на Губерта Бигенда. – Холлис даже удивилась, насколько ей неприятно это говорить.

У Хайди расширились глаза:

– Иди ты! Тебя же от этого муилоида трясло.

– Да вроде как деньги нужны.

– Много потеряла в кризис?

– Примерно половину.

Хайди кивнула.

– Все примерно так. Если не вкладывали деньги через кого-нибудь типа муйла.

– Твои деньги были у него?

– Шутишь? Отделение церкви от государства. Без вариантов. Я с самого начала чуяла, что у него с этим херово. А вот другие не прочухали. Знаешь что?

– Что?

– Настоящее, блин, золото никогда тебе не скажет, что

оно, блин, золото. А влипают те, кто до этого не допер.

– Слушай, я бы выпила виски, – сказала Холлис.

– Угощайся, – ответила Хайди. Потом улыбнулась: – Черт, как же я рада тебя видеть.

И разревелась.

10

Eigenblich¹⁶

Милгрим проснулся, принял лекарство, вымылся в душе, побрился, почистил зубы, оделся и оставил включенный «нео» на зарядке (английский адаптер был больше, чем зарядник телефона). Затем, тщательно избегая смотреть на манекен, вышел из номера.

Бесшумный японский лифт спустил его на три этажа. Милгрим думал было погуглить Холлис Генри, но за макбуком в фойе уже кто-то сидел.

В фойе Милгриму всегда становилось не по себе, как будто его непременно заподозрят в попытке что-нибудь стащить. Хотя, если не считать помятой в перелете одежды, он точно не выглядел воришкой. И безусловно ничего бы тащить не стал. Да и зачем бы, думал Милгрим, выходя на Монмут-стрит в смутный утренний свет. Триста фунтов в конверте, убранном во внутренний нагрудный карман, и никакой насущной потребности их тратить. Для человека с его историей – все еще ситуация непривычная.

Зависимости, думал он, сворачивая направо, к обелиску Севн-Дайлс, заводятся, как волшебные зверушки, карманные монстры. Они выделывают удивительные фокусы, по-

¹⁶ На самом деле (нем.).

казывают то, чего ты раньше не видел. Развлекают. Но мало-помалу, за счет безжалостной алхимии, они начинают решать за тебя. И со временем принимают самые важные решения в твоей жизни. А ума у них, сказала психотерапевт в Базеле, меньше, чем у золотой рыбки.

Он зашел в «Кафе-Неро», более стильный «Старбакс» альтернативной реальности. Там уже было людно. Заказал латте и круассан. Ему нравилось, что круассаны для «Неро» доставляют замороженными из Франции, а здесь только пекут. Женщина в деловом костюме (темная ткань в тонкую полоску) встала из-за столика, и Милгрим поспешил его занять. Отсюда он видел салон «Видал Сассун» через площадь и молоденьких парикмахерш, входящих в дверь перед началом рабочего дня.

Интересно, зачем Бигенду дизайнерские тактические штаны? Милгрим хорошо умел слушать (и скрывать это умение), но мотивы Бигенда от него ускользали. В них была почти агрессивная произвольность.

По словам Бигенда, армейские контракты почти стопроцентно кризисоустойчивы, и американские – особенно. Видимо, это и есть одна из причин, возможно – главная. Страховка от кризиса. И Бигенд сосредоточился на одной области армейских поставок – той, в которой наиболее применимы стратегические навыки «Синего муравья». И теперь «Синий муравей» узнаёт, причем очень быстро, все, что можно узнать о дизайне и производстве армейской одежды. Край-

не оживленной отрасли легкой промышленности, насколько можно судить.

И Милгрим – по какой-то причине или без причины – оказался в это втянут.

Контрактным армиям, объяснила в занятной пауэрпойнтовской презентации француженка (та, что вчера была в юбке-шотландке), нужны добровольцы, главным образом юноши. Которые, не пойдя они в армию, могли бы кататься на скейтах или хотя бы носить одежду, как у скейтбордистов. А мужская уличная мода, продолжала она, последние лет пятьдесят черпала идеи главным образом из военной формы. Основопологающий код мужской уличной моды начала двадцать первого века – это код военной формы второй половины предшествующего столетия, главным образом американской. Остальное взято из рабочей одежды, преимущественно тоже американской, которая эволюционировала вместе с армейской, заимствуя элементы ее кода, и спортивной командной формы.

Но теперь, если верить француженке, все перевернулось. Военным нужна форма, привлекательная для потенциальных добровольцев. Каждый род американских войск, говорила девушка, иллюстрируя свои слова пауэрпойнтовскими слайдами, имеет собственный узнаваемый рисунок камуфляжа. Корпус морской пехоты даже запатентовал свой (на взгляд Милгрима – чересчур цветастый).

Американские законы запрещают производить американ-

скую военную форму за рубежом.

И вот здесь-то, насколько понял Милгрим, Бигенд рассчитывал найти лазейку. То, что производится в Америке, не обязательно там же и разрабатывается. Производители верхней и спортивной одежды, а также немногочисленные фирмы, специализирующиеся на пошиве исключительно военного ассортимента, конкурируют за американские военные заказы. Прежде весь этот ассортимент разрабатывали американские военные. Но им, продолжала девушка, чуть запыхавшись, словно настигая мелкого зверька на лесной поляне, уже не хватает модельерских навыков для новых задач. Выдумав почти все новые мужские фасоны прошлых пятидесяти лет, они теперь вынуждены конкурировать с собственным историческим продуктом, трансформировавшимся в уличную моду. Им нужна помощь, продолжала француженка, щелкая мышкой, отчего на экране возникла завершающая партия картинок. И они это знают.

Милгрим пил латте и смотрел на утренних прохожих, ища в их одежде подтверждение услышанных тезисов. Получалось, что если говорить о доминирующем подтексте, то француженка права.

– Не занято? – спросил женский голос с американским акцентом.

Милгрим поднял глаза. Ему улыбалась китайка: черный свитерок, простой золотой крестик на цепочке, белая пластиковая заколка. И тут же недремлющий модуль наркоман-

ского страха просигналил: коп.

Он заморгал.

– Конечно. Присаживайтесь.

Мышцы ног напряжились: вскочить и бежать. Сбой, сказал Милгрим модулю. Частично купированный абстинентный синдром. Привет из прошлого. Его лимбический мозг по-прежнему движется в накатанной колее, как фургоны первых американских поселенцев по ось в пересохшей глине.

Она положила на стол белую сумочку из кожзаменителя, поставила рядом голубой бумажный стаканчик с кофе, отодвинула стул и села напротив Милгрима. Улыбнулась.

На свитерке были белым вышиты полумесяц и пальма с флага Южной Каролины – чуть побольше ральф-лореновского игрока в конное поло. Подспудный модуль Милгрима разом выдвинул целую линию радиолокаторов раннего обнаружения полицейских.

Паранойя, объясняла ему психотерапевт, это избыток информации. Что и происходило с Милгримом сейчас, когда женщина запустила руку в сумочку, вытащила матовый серебристый телефон, раскрыла его и нахмурилась.

– Эсэмэски, – сказала она.

На Милгрима смотрел бездонный черный зрачок телефонной камеры.

– Ой-ой, – сказала женщина. – Мне надо бежать. Но все равно спасибо!

И, сунув сумку под мышку, быстрым шагом вышла на Севн-Дайлс.

Оставив на столе нетронутый кофе.

Милгрим взял стакан. Пустой. На белой пластмассовой крышке – темная губная помада, которой не было на губах у женщины.

Через окно он видел, как та прошла мимо переполненной урны, из которой, наверное, и взяла бутафорский стаканчик. Быстро перешла улицу, к «Сассуну». Исчезла за углом.

Милгрим встал, одернул куртку и вышел, не глядя по сторонам. Назад по Монмут-стрит, к гостинице. Не доходя, пересек улицу по диагонали, все той же рассчитанно беспечной походкой, и вошел в кирпичный туннель, ведущий в Нил-ярд: мини-Диснейленд новейшего времени. Его Милгрим проскочил так быстро, что люди оглядывались. На следующую улицу, Шортс-Гарден.

Теперь быстрый деловой шаг, но не бег, чтобы не привлекать внимания.

Зависимость, разбуженная гормонами стресса, настоятельно советовала что-нибудь принять. Его новой личности это было странно и страшно, все равно как обнаружить у себя на заднем дворе фашистский танк. Засыпанный землей, заросший одуванчиками, но с мотором, работающим на холостом ходу.

Не сегодня, сказал он фашистам в засыпанном танке, направляясь к станции «Ковент-Гарден» через энциклопеди-

ческую антологию молодежных обувных магазинов с кроссовками цвета желейного мармелада.

Плохо, убеждала другая часть его личности. Плохо.

Как ни старался он выглядеть спокойным, кучка бомжей у входа в метро рассеялась при его приближении. Они что-то видели. Милгрим вновь стал как они.

Он смотрел на Ковент-Гарден словно с большой высоты, толпа на Лонг-Акре раздвигалась вокруг него, как намагниченные железные опилки.

По лестнице, скомандовал автопилот. Милгрим подчинился не оглядываясь – песчинка в спиральном людском потоке.

Теперь первым же поездом до «Лестер-Сквер», самый короткий перегон во всей подземке, и, не выходя на улицу, обратно, убедившись, что хвоста нет. Милгрим умел уходить от слежки, но здесь везде были натканы камеры, дымчатые акриловые шары, словно контрафактный Курреж¹⁷. В Лондоне они буквально на каждом шагу. До сих пор Милгри-му удавалось о них не думать. Бигенд как-то сказал, что они – симптом аутоиммунной болезни, когда защитные функции государства превращаются во что-то агрессивно-губительное, хроническое. Бдительные глаза, разрушающие здоровую жизнедеятельность того, что якобы оберегают.

Оберегают ли его сейчас?

¹⁷ Андре Курреж (1923–2016) – французский дизайнер-авангардист, прославившийся в 1960-е гг. футуристическими моделями одежды.

Он проделал все, что надо, постоянно думая, как вернуться на станцию. Поднимется в неживом воздухе лифта, где неживой голос через ровные интервалы напоминает приготовить билет.

Тогда он будет уже спокойнее.

И начнет день заново, как собирался. Пойдет в «Хакетт» на Кинг-стрит, купит рубашку и брюки.

Плохо, говорил другой голос, заставляя втягивать голову в плечи и напрягать мышцы почти до звона в ушах.

Плохо.

Распаковка

Номер Хайди выглядел как после неудавшегося теракта в самолете: взрыва, который хоть и не вызвал крушения, но разворотил все чемоданы в багажном отсеке. Холлис видела это много раз в гастрольных поездках «Ночного дозора» и считала защитным механизмом: попыткой противостоять бездушности гостиничных номеров. Ей ни разу не случилось своими глазами наблюдать, как Хайди разбрасывает вещи, обустривая себе гнездо. Холлис подозревала, что та делает это бессознательно, в инстинктивном трансе, примерно как собака, когда ходит кругами по траве, прежде чем лечь спать. Сейчас ее даже впечатлило, как эффективно Хайди создала собственное пространство, заглушив все, что кабинетовские оформители хотели сказать интерьером.

– Мля, – торжественно проговорила Хайди.

Очевидно, она так и заснула, или отрубилась, в израильском армейском лифчике. Холлис, которая, уходя, забрала с собой ключ, сейчас видела, что в графине осталось всего на палец виски. Хайди пила редко, но крепко. Она лежала под грудой мятого шмотья, включавшей несколько малиновых столовых салфеток и дешевое пляжное полотенце в расцветке мексиканского серапе. Очевидно, уходя от муйла,

Хайди затолкала в чемодан все нестираное и спала под ним, не под кабинетовским одеялом.

– Завтрак?

Холлис принялась быстро складывать вещи с кровати. Здесь был большой пакет маленьких острых инструментов, кисточек с тонкими кончиками, миниатюрных баночек с краской, кусочков белого пластика. Как будто Хайди усыновила двенадцатилетнего мальчика.

– Это что?

– Психотерапия, – прохрипела Хайди.

Затем произвела звук, словно стервятник, готовящийся оторгнуть что-то совсем уж гадкое, но Холлис слышала его прежде и даже вроде бы помнила, у кого Хайди ему научилась: у неестественно светлогожего немецкого клавишника с татуировками, расплывшимися, как фломастер на туалетной бумаге. Она положила пакет с загадочными предметами на комод и сняла трубку с телефона. Аппарат был французский, начала двадцатого века, но сплошь обклеенный марокканскими бусинами, как мундштук кальяна на Большом базаре, что создавало ощущение пестрой змеиной кожи.

– Кофейник черного кофе, две чашки, – сказала она дежурной. – Тосты без масла, большой апельсиновый сок. Спасибо.

Подняла древнюю футболку с логотипом *Ramones*, под которой оказалась тридцатисантиметровая фаянсовая рефлексологическая модель уха, расчерченная красными линиями.

Холлис положила футболку на место, расправив логотип.

– А как у тебя? – спросила Хайди из-под груды мягкого тряпья.

– Что у меня?

– Мужики.

– Ноль, – ответила Холлис.

– А как тот, который прыгал с небоскребов в костюме белки-летяги? Он был славный. Даррел?

– Гаррет, – сказала Холлис. Она не произносила этого имени, наверное, год и предпочла бы не называть сейчас.

– Ты из-за него здесь? Он вроде англичанин.

– Нет, – ответила Холлис. – В смысле да, англичанин, но я здесь не поэтому.

– Ты с ним познакомилась в Канаде. Тебе его Бигенд подогнал? Я его тогда не видела.

– Нет, – сказала Холлис, боясь искусности Хайди в этой, более мучительной распаковке багажа. – Они друг с другом не знакомы.

– Ты не спишь со спортсменами, – сказала Хайди.

– Он был другой.

– Все они другие.

– И муйло тоже?

– Нет, – ответила Хайди. – Это я хотела быть другой. Он был типичная штамповка, только не моя. Я думала, смогу пожить чужой жизнью. Убрать гастрольные шмотки. Закупаться в торговых центрах. Водить машину, какую и не ду-

мала водить. Хлеб печь, представляешь? Тайм-аут.

– Ты не показалась мне очень счастливой тогда, в Лос-Анджелесе.

– Выяснилось, что он типа творческая личность. Я вышла за налогового бухгалтера. Он начал продюсировать инди-фильмы. И намыливался стать режиссером.

– А теперь в тюрьме?

– Без освобождения под залог. К нам в офис нагрянули фэбээровцы. В куртках с надписью «ФБР» на спине. Крутые такие. Для малобюджетного фильма – вообще атас. Только ему снимать не пришлось.

– Но у тебя-то все в порядке?

– Я звонила адвокату Инчмейла в Нью-Йорк. Я даже получу свою долю собственности после развода. Если ее не конфискуют. А вообще, это все фигня.

Принесли завтрак. Холлис в дверях забрала у итальянки поднос и подмигнула. Запомнила, что надо будет потом дать ей на чай.

Хайди выбралась из-под тряпья и принялась натягивать огромный хоккейный свитер – даже Холлис, которая отродясь не была болельщицей, сообразила, что он от кого-то очень крутого. Хайди точно спала со спортсменами, но только если они достаточно сумасшедшие. В эпоху «Ночного дозора» у нее были подряд несколько боксеров – трудно сказать, какой хуже, хотя внимания прессы к группе это, конечно, добавляло. Последнего она вырубилла апперкотом на

предоскаровской церемонии. Холлис последнее время частенько радовалась, что их рокерская карьера пришлась на доютубовские времена.

– Я так и не въехала, чем он занимался, твой Гаррик. – Хайди налила себе кофе и плеснула в чашку остатки виски.

– Гарриет. Слушай, может, не сто́ит?

Хайди пожала плечами – под хоккейным свитером движения было почти не видно.

– Ты меня знаешь. Прикончу это, и следующие полгода – только минералку. Вообще-то, мне сейчас нужен спортзал. Серьезный. Так чем этот твой занимался?

– Не уверена, что смогу объяснить. – Холлис тоже налила себе кофе. – Но я очень твердо себе сказала, чтобы даже не думать.

– Жулик?

– Нет, – ответила Холлис. – Хотя часть того, что он делал, шла вразрез с законом. Знаешь Бэнкси? Граффитиста?

– Ага.

– Он восхищается Бэнкси. Считает себя вроде него. Они оба из Бристоля.

– Но он не рисует граффити.

– Он считает, что рисует. Только не краской.

– А чем?

– Историей, – сказала Холлис.

Хайди ответ явно не устроил.

– Он работал с одним стариком. У того была куча воз-

возможностей. Старик решал, какой жест надо сделать, а Гарриет придумывал, как это лучше осуществить. И не попасться. Если считать старика драматургом, то Гарриет – режиссер. Иногда и актер тоже.

– Так в чем проблема?

– Страшно. Не то чтобы я не одобряла их действий. Но это даже страшнее, чем с Бигендом. Мне надо, чтобы у мира была твердая поверхность, обычная, видимая всем. Не хочу чувствовать, что все время куда-то проваливаюсь. Вспомни, что случилось с тобой.

Хайди взяла треугольник подсушенного хлеба и взглянула на него оценивающе, как самоубийца – на бритву.

– Ты говоришь, они не жулики.

– Нарушают закон, но не жулики. Просто из-за того, что делают, постоянно наживают себе врагов. Он приехал в Лос-Анджелес, мы сошлись. Я начала книгу. Он вернулся в Европу. Потом я приехала подписать контракт на автомобильный ролик, и мы снова встретились.

– Я подписала через агента. – (Откусывая от тоста и принимаясь недоверчиво жевать.)

– Я хотела быть здесь. Потом он поехал в Нью-Йорк вместе со мной. Не работал тогда. А дальше они начали что-то готовить. К выборам Обамы. Что-то они такое затеяли.

– Что?

– Не знаю. А знала бы, не сказала, потому что обещала молчать. Я просто с головой ушла в книгу. Он стал появлять-

ся реже. Потом вообще перестал появляться.

– Тебе хочется его вернуть?

Холлис молча пожала плечами.

– С тобой непросто, ты знаешь? – сказала Хайди.

Кивок.

– Надо бороться. – Хайди встала и, войдя в ванную, выплеснула кофе с виски в раковину. Потом вернулась и налила себе новый. – Чувствуешь себя в подвешенном состоянии?

– Да.

– Это не дело, – сказала Хайди. – Позвони ему. Провентилируй ситуацию.

– Нет.

– Телефон его есть?

– Только для экстренных случаев.

– В каком смысле?

– Если у меня будут неприятности из-за знакомства с ним.

– Все равно позвони.

– Нет.

– Ну и дура. А это еще что за херомундия? – (Ошалело глядя в открытую дверь ванной.)

– Твой душ.

– Шутишь.

– Подожди, когда увидишь мой. А в коробках что? Бетонные плиты?

Коробки так и стояли у стены, где она их поставила вчера, когда забрала у Роберта.

– Прах, – ответила Хайди. – Из крематория.

– Чей?

– Джимми. – (Джимми был бас-гитаристом «Ночного дозора».) – Некому было забрать. Он всегда говорил, что хочет лежать на кладбище в Корнуолле, помнишь?

– Нет, – ответила Холлис. – Почему в Корнуолле?

– Понятия не имею. Может, потому что меньше всего похоже на Канзас?

– Много как-то праха.

– Еще мамина урна.

– Твоей матери?

– Все руки не доходили захоронить. Убрала в подвал вместе с гастрольными вещами. Не могла же я оставить их у муйла? Отвезу обе в Корнуолл. Все равно у Джимми матери не было.

– Ясно, – ответила Холлис, не зная, что сказать.

– Где этот Корнуолл, кстати?

– Я тебе покажу. На карте.

– Пошла я нахер в душ, – объявила Хайди.

Оружие подчинения

Кабинет Бигенда, куда наконец провели Милгрима, был без окон и неожиданно маленький. Может, это и не был лично его кабинет. По крайней мере, рабочим кабинетом помещение не выглядело.

Молодой швед, провожавший Милгрима, положил на деревянный стол серую папку и тихо вышел. Стол был совершенно пустой, если не считать помпового ружья, по виду – из замороженного клубничного йогурта.

– Что это? – спросил Милгрим.

– Макет одного из первых совместных продуктов «Тазер интернешнл», который выпускает электрошокеры, и «Моссберга», который делает помповики. – На Бигенде были прозрачные одноразовые перчатки из тех, что продаются рулонами, как полиэтиленовые пакеты. – Оружие подчинения.

– Подчинения?

– Так они его называют. – Бигенд одной рукой взял помповик и покрутил, чтобы показать Милгриму с разных сторон. На вид ружье было невесомым. Полым, из какого-то пластика. – Я пытаюсь понять, аналогично ли это тому, что Роберто Кавалли моделирует тренчкот для *H&M*.

– Меня засекли, – сказал Милгрим.

– Что? – Бигенд поднял взгляд.

– Сегодня утром меня сфотографировала полицейская.

– Что за полицейская?

– Американская китаянка. Одета как учительница воскресной школы. На свитере вышит флаг Южной Каролины.

– Сядьте, – сказал Бигенд.

Милгрим сел, примостив на колени пакет из «Хакетта».

– Откуда вы знаете, что она из полиции? – Бигенд снял перчатки, смял и бросил на стол.

– Просто понял. Не обязательно из уголовной, хотя тоже не исключаю.

– Вы ходили по магазинам. – Бигенд смотрел на пакет. –

Что купили?

– Брюки. И рубашку.

– Мне сказали, Ральф Лорен покупает одежду в «Хакетте». Исключительно сложная концептуальная информация. Вне зависимости от того, верна ли она. – Он улыбнулся. – Вам нравится делать там покупки?

– Не понимаю этого, – ответил Милгрим. – Но мне нравятся их брюки. И некоторые рубашки, что попроще.

– Чего вы не понимаете?

– Про англичан и футбол.

– В каком смысле?

– У них это всерьез? У «Хакетта»?

– Вот за это я вас и ценю. Вы без усилий зрите в корень.

– Так всерьез?

– Некоторые считают, что двойное отрицание равносильно утверждению. Где эта женщина вас сфотографировала?

– В кофейне возле гостиницы. Севн-Дайлс.

– И вы сообщили...

– Вам.

– Не говорите больше никому. Кроме Памелы. Я ей скажу.

– Оливеру не говорить?

– Нет, – ответил Бигенд. – Оливеру ни в коем случае. Вы с ним сегодня разговаривали?

– Он велел мне оставить телефон в номере, включенным и на зарядке. Сказал, что должен его перепрограммировать. Я еще туда не возвращался.

Бигенд уставился на розовый помповик.

– Почему он розовый? – спросил Милгрим.

– Сделан на три-дэ-принтере. Не знаю, почему там все розовое. Наверное, цвет по умолчанию. Телефоны – проект Оливера. Поэтому не забывайте, что вас могут прослушивать, будь то разговор, эсэмэс или мейл. Впрочем, мы в Англии, а здесь так и так могут прослушивать всё.

– Вы не доверяете Оливеру?

– Не доверяю, – ответил Бигенд. – А пока продолжайте заниматься своими делами, будто не заметили, что вас сфотографировали.

– А какие именно у меня дела?

– Вам понравилась Холлис Генри?

– Она мне показалась... знакомой, что ли.

– Она пела в рок-группе. «Ночной дозор».

Милгрим вспомнил большую черно-белую фотографию. Плакат. Холлис Генри (моложе, чем сейчас) стоит, поставив на что-то ногу, коленкой вперед. Узкая твидовая мини-юбка, преимущественно из распоротых швов. Где он это видел?

– Вы будете работать с нею, – сказал Бигенд. – Новый проект.

– Переводить?

– Вряд ли. Тоже по поводу одежды.

– Тогда в Ванкувере... – начал Милгрим и осекся.

– Да?

– Я нашел сумочку. В ней была крупная сумма денег. Телефон. Бумажник с карточками. Ключи. Сумочку с бумажником, карточками и ключами я бросил в почтовый ящик. Деньги и телефон оставил себе. Вы начали звонить. Я вас не знал. Мы стали разговаривать.

– Да, – сказал Бигенд.

– Поэтому-то я сегодня здесь?

– Да.

– Чей это был телефон?

– Помните, в сумочке лежало кое-что еще? Черный пластмассовый блок, примерно в два раза больше мобильного?

Милгрим кивнул.

– Это был шифратор. Мой. Сумочка, которую вы нашли, принадлежала моей сотруднице. Я хотел знать, у кого телефон. Оттого и позвонил.

– А почему вы звонили снова и снова?

– Потому что вы меня заинтриговали. И потому что вы отвечали. Потом у нас начались разговоры, которые привели к встрече и, как вы говорите, к тому, что вы сейчас здесь.

– Это обошлось вам... – Милгрим задумался, – дороже, чем «тойота-хайлюкс»?

У него было чувство, будто на него смотрит психотерапевт.

Бигенд легонько склонил голову набок:

– Не уверен, но, возможно, да. А к чему это?

– Вот и я хочу спросить, к чему? Отчего вы так поступили?

– Я слышал про клинику в Базеле. Очень дорогая, с очень неоднозначной методикой. Мне было интересно, получится ли у них с вами.

– Почему?

– Потому что я любопытен и могу себе позволить удовлетворять свое любопытство. Врачи, смотревшие вас в Ванкувере, мягко говоря, оптимизма не выказали. Я люблю трудные задачи. И даже в тогдашнем своем состоянии вы были потрясающим переводчиком. Позже, – Бигенд улыбнулся, – стало ясно, что вы примечаете много интересных подробностей.

– Меня бы уже не было в живых, да?

– Насколько я понял, да, если бы вы слишком быстро завязали, – ответил Бигенд.

– Чем я могу вам отплатить?

Бигенд потянулся было к помповику, словно хотел постучать по нему пальцами.

– Не считайте, что должны отплатить мне жизнью. Я удовлетворял свое любопытство, и то, что вы живы, – просто побочный продукт.

– Столько денег...

– Цена моего любопытства.

У Милгрима защипало глаза.

– И я не жду выражения благодарностей.

Милгрим сглотнул.

– Хорошо, – сказал он.

– Сейчас я прошу вас заняться моим проектом с Холлис Генри. Дальше увидим.

– Что увидим?

– Увидим, что увидим. – Бигенд перегнулся через помповик и взял серую папку. – Возвращайтесь в гостиницу. Я позвоню.

Милгрим, вставая, переложил в руку пакет, который до того закрывал бейдж с его цифровым портретом на ярко-зеленом шнурке.

– Зачем вы это носите?

– Обязательное требование. Я тут не работаю.

– Напомните мне это исправить, – сказал Бигенд.

Он открыл серую папку. Там лежала толстая стопка глянцевых картинок, по виду – вырезки из японских журналов.

Милгрим, уже закрывавший за собой дверь, не ответил.

13

Бобер

– Они ели бобров, но только по пятницам, – сказала Хайди по пути к «Селфриджу», где парикмахер Холлис согласился ее подстричь.

– Кто?

– Бельгийцы. Выпросили у церкви разрешение, потому что бобры живут в воде. Как рыба.

– Глупости.

– В «Кулинарном Ларуссе» написано, – ответила Хайди. – Сама посмотри. Или просто глянь на его рожу. Он точно жрет бобров.

На подходе к Оксфорд-стрит у Холлис зазвонил айфон. Она глянула на экран в резком утреннем свете. «Синий муравей».

– Алло.

– Это Губерт.

– Вы едите бобров по пятницам?

– Почему такой вопрос?

– Я защищаю вас от оскорбления на расовой почве.

– Где вы сейчас?

– Веду подругу в «Селфридж» стричься.

Холлис почти не верила, что уговорила-таки мастера при-

нять Хайди без записи и что способна так улещивать и ула-
мывать. Однако она свято верила в целительную силу новой
стрижки. Да и у Хайди все следы похмелья и смены часовых
поясов как будто рукой сняло.

– Что вы делаете, пока она будет в парикмахерской?

Холлис думала было соврать, что тоже стрижется, но ре-
шила, что дело того не стоит.

– А что вы предлагаете?

– Друг, с которым мы ели тапас, – сказал Бигенд. – Я по-
просил бы вас с ним поговорить.

Переводчик, который любит собак.

– Дальше станет ясно. Поговорите с ним, пока ваша по-
друга стрижется. Я сейчас отправлю Олдоса его забрать. Где
он сможет вас найти?

– В ресторанном дворике, наверно, – ответила Холлис. –
У французской кондитерской.

Бигенд отключился.

– Бобер, – сказала Хайди, широкоплечим ледоколом рас-
секая безжалостный людской поток на Оксфорд-стрит. – Ты
и правда на него работаешь.

– Да, – ответила Холлис.

>>>

– Холлис?

Она подняла голову и кое-как вспомнила имя, которое

Бигенд не стал называть по телефону.

– Здравствуйте, Милгрим.

Он был выбрит и выглядел отдохнувшим.

– Я ем салат, – продолжала Холлис. – Хотите чего-нибудь?

– У них есть круассаны?

– Наверняка.

Была в нем какая-то странность, заметная даже в таком коротком разговоре. Вроде милый и скромный человек, но в лице то и дело проглядывало что-то настороженное, исподволь и мельком.

– Я, наверное, возьму круассан, – серьезно произнес он и направился к ближайшей стойке.

Сегодня на нем были другие брюки, темнее, но тоже хлопковые, спортивного вида.

Он вернулся с белым подносом, на котором были круассан, что-то мясное в тесте и чашка черного кофе.

– Вы русский переводчик, мистер Милгрим? – спросила Холлис, когда он поставил поднос и сел.

– Просто Милгрим. Я не русский.

– Но переводите с русского?

– Да.

– Для Губерта? Для «Синего муравья»?

– Я не работаю в «Синем муравье». В смысле я фрилансер. Немного перевожу для Губерта. В основном художественное.

Он голодными глазами посмотрел на поднос.

– Ешьте, пожалуйста, – сказала Холлис, беря вилку. – А поговорим потом.

– Я пропустил ланч, – ответил он. – А мне надо есть, из-за лекарств.

– Губерт сказал, вы от чего-то лечитесь.

– От зависимости, – сказал он. – Я наркоман. В ремиссии. То странное, настороженное – вроде зверька – мельком выглянуло вновь, оценивая ее быстрым косым взглядом.

– А что за наркотик?

– Рецептурные транквилизаторы. Звучит rispetабельно, да?

– Наверное, – ответила она. – Хотя, наверное, с них сходить не легче.

– Да. Но мне уже давно ничего не выписывали по рецептам. Я был уличным наркоманом.

Он отрезал тонкий ломтик с одного куска мясного пирожка.

– У меня был друг-героинщик, – сказала Холлис. – Он умер.

– Печально, – ответил он. И начал есть.

– Это было много лет назад. – Холлис принялась за салат.

– Что вы делаете для Губерта? – спросил Милгрим.

– Я тоже фрилансер. Но не знаю точно, что делаю. Пока не знаю.

– Это в его стиле, – сказал Милгрим. Что-то в дальнем конце зала привлекло его внимание. – Штаны цвета «фоли-

аж».

– На ком?

– Он уже ушел. Серо-зеленый. Знаете «койот»?

– Что-что?

– Это был модный оттенок американского военного снаряжения. «Фолиаж» новее, более в тренде. Еще недолго был «альфа», более серый. Но сейчас на первом месте «фолиаж».

– Американцы выпускают военное снаряжение модных оттенков?

– Конечно, – ответил Милгрим. – Губерт вам не говорил?

– Нет.

Милгрим по-прежнему пытался высмотреть замеченные раньше штаны.

– В этом году оттенок еще редкий. Может быть, в следующем. Я даже не знаю его пантоновский номер. – Он переключился на мясной пирожок и быстро его доел. – Извините. Я не очень умею вести себя с новыми людьми. Поначалу.

– Я бы не сказала. Мне кажется, вы сразу ухватываете суть.

– Вот и он так говорит. – Милгрим сморгнул, и Холлис догадалась, что «он» означает Бигенда. – Я видел вашу фотографию. Постер. Вроде бы на Сент-Марк-плейс. Магазин подержанных грампластинок.

– Это очень старая фотография.

Милгрим кивнул, разломил круассан, начал намазывать маслом.

– Он говорил с вами про джинсы?

Милгрим с набитым ртом мотнул головой.

– «Габриэль Хаундс»?

Милгрим проглотил и спросил:

– Кто?

– Очень секретная линия джинсов. Кажется, именно ею я занимаюсь для Губерта.

– А что делаете?

– Провожу расследование. Пытаюсь узнать, откуда они. Кто их выпускает. Почему они людям нравятся.

– А почему они нравятся?

– Возможно, потому что их почти невозможно достать.

– Это оно? – спросил Милгрим, глядя на ее куртку.

– Да.

– Хорошо сшито. Но не армейское.

– Насколько я знаю, да. Почему его вдруг заинтересовала мода?

– Она его не интересует. В обычном смысле. Это я знаю, – сказал Милгрим.

Настороженная зверушка вновь проглянула, и Холлис почувствовала ее ум. Милгрим продолжал:

– Вы слышали про отраслевую выставку для фирм, которые мечтают производить снаряжение для Корпуса морской пехоты?

– Нет. Вы там были?

– Не попал. Выставка проводится в Южной Каролине. Я

только что оттуда. Из Южной Каролины.

– А что именно вы делаете для Губерта по поводу одежды? Вы модельер? Маркетолог?

– Нет, – ответил Милгрим. – Я примечаю подробности. Не знал этого раньше. Он мне сказал, в Ванкувере.

– Вы жили у него? В пентхаусе?

Милгрим кивнул.

– В комнате с кроватью на магнитной подушке?

– Нет. В маленькой. Мне надо было... сосредоточиться. – Милгрим доел круассан, отпил кофе. – Меня... как это называется... «изолировали»? Большое пространство меня смущало. Слишком много вариантов. Потом он отправил меня в Базель.

– В Швейцарию?

– Лечиться. Если разрешите, я хотел бы спросить: почему вы на него работаете?

– Я сама себя спрашиваю. Это не первый раз, и после первого я точно не хотела повторения. Однако первый раз оказался очень плодотворным, причем косвенно – вне всякой связи с тем, что я для него делала. Потом я потеряла в кризис кучу денег, не нашла себе занятия по душе, и тут он стал настойчиво звать меня к себе. Мне немного неуютно на него работать.

– Понимаю.

– Правда?

– У меня то же чувство.

– Тогда почему вы на него работаете?

– Мне нужна работа, – сказал Милгрим. – И еще потому... потому что он заплатил за клинику. В Базеле. За мое лечение.

– Он отправил вас лечиться от наркомании?

– Это стоило очень дорого. Больше, чем бронированный автомобиль. Уровня наркокартеля. – Он поправил нож и вилку на белой тарелке, среди крошек. – Мне трудно что-нибудь понять. Теперь он поручил мне работать с вами.

Милгрим поднял взгляд от тарелки, и обе части его странно расколотой личности как будто впервые увидели Холлис одновременно.

– Почему вы не поете? – спросил он.

– Потому что не пою.

– Но вы были знаменитой. Я же видел плакат.

– Это вообще не о том.

– Просто это, наверное, было бы легче. В смысле для вас.

– Я не буду петь.

– Извините, – сказал Милгрим.

Желтый шлем

На пешеходном переходе через Шефтсбери-авеню, под мелким дождем, «тойоту-хайлюкс» нагнал курьер на грязном сером мотоцикле. Олдос опустил окно с пассажирской стороны, курьер вытащил из-за пазухи письмо и рукой в перчатке, похожей на кевларовую механическую руку, передал Милгриму. Окно снова поднялось, мотоцикл умчался прочь, лавируя в потоке машин. Желтый мотоциклетный шлем стремительно уменьшался. Сзади он был покорябан, словно огромной когтистой лапой, царапины белели на фоне желтого пластика.

Милгрим взглянул на конверт. Посередине небрежными прописными буквами было выведено его имя, в нижнем правом углу стояли инициалы «п.м.». Памела. По весу конверт казался пустым. Внутри лежал прозрачный файл с распечатанной на струйном принтере фотографией женщины-полицейского из «Кафе-Неро». Хотя снимок был сделан не в кафе. За спиной у женщины, вполне резкие, стояли собачьеголовые ангелы из «Голубого дельфина». И свитер на ней был красный, хотя Милгрим различил ту же вышитую эмблему. В другой цветовой гамме. Кто снимал? Неужели Слейт? Похоже, она не видела, что ее снимают. Милгрим представил

ее спящей в экономклассе его самолета в Англию.

Машину наполнили первые аккорды «Нажми на тормоза» *Toots and The Maytals*¹⁸.

– Олдос, – произнес Олдос в свой айфон. – Да, конечно.

Он передал айфон Милгриму.

– У вас в руках, – сказал Бигенд.

– Это она, – ответил Милгрим. – Тогда же, когда я там был?

Помня совет Бигенда насчет телефонов, он не спросил, где и как добыли снимок.

– Более или менее, – ответил Бигенд и дал отбой.

Милгрим вложил айфон обратно в широкую ухоженную руку Олдоса.

¹⁸ «Нажми на тормоза» («Draw Your Brakes») – песня с культового регги-саундтрека к ямайскому фильму «The Harder They Come» (1972). Исполнялась не группой *Toots and The Maytals* (которая на этой пластинке тоже фигурирует), а певцом и диджеем Скотти (Дэвид Скотт, 1951–2003) и представляет собой даб-обработку песни 1965 г. «Stop That Train» ямайской группы *Spanishhtonians*, вернее, рокстеди-версии этой песни, записанной в 1967 г. дуэтом *Keith & Tex*.

15

Заброска

– Фицрой, – сказал Клэмми в ее айфоне.

Холлис лежала, глядя на круглое дно птичьей клетки. Свежестриженную Хайди она оставила в «Селфридже», где та собиралась проверить, сработают ли кредитные карточки муйла.

– Фицрой?

– Район. Роуз-стрит, сразу за Брунsvик-стрит. Там ярмарка художников. Мере меня водила. Мередит. Нас Ол Джордж познакомил.

Очевидно, имелся в виду «Олдувай» Джордж¹⁹, гениальный клавишник «Тумб». У него был скошенный лоб питекантропа и, как выразился Инчмейл, больше ума в одном мизинце, чем у всех остальных «Тумб», вместе взятых. Стрижка машинкой «под двойку» выглядела обтягивающей черной шапочкой. Вроде кашемировых менингиток Клэмми, только не снимается. Массивные челюсти и скулы, постоянная щетина, умные, глубоко посаженные глаза.

– Я по ходу первым делом увидел ее «хаундсы». Девчачьи, – продолжал Клэмми.

¹⁹ Прозвище Джорджа происходит от места Олдувай-гордж, ущелья в Африке, где найдены многочисленные останки гоминид, в том числе человека умелого.

– Понравилось?

– Сразу запал.

– То есть «хаундсы» вас объединили?

– Я их давно хотел. Аж до трясушки. Видел на этом дебиле Бертоне. Жирная жопа.

Холлис не первый раз слышала про жирную жопу Бертонна – музыканта в группе, которую Клэмми терпеть не мог. Градус ненависти между исполнителями сильнее всего напрягал Холлис в мире рок-музыки. Она знала, что они не все такие, но на всякий случай держалась от них подальше.

– Так тебе понравились ее джинсы?

– Я типа намекнул, мол, знаю, что это.

– И?

– Она спросила, хочу ли я такие. Сказала, что знает про заброску.

– Про что?

– Про завоз.

– Откуда?

– Я чо, дурак лишние вопросы задавать? – серьезно ответил Клэмми. – Убиться как хотел. Она, такая, говорит, завтра. Говорит, вместе поедем.

Темнота наплывала на город, захватывая номер. Дно клетки висело над Холлис сгустившимся из сумерек НЛО: сейчас начнет излучать энергию, вытатуирует на ней круги, как на полях. Она внезапно ощутила морской гул лондонского транспорта. Пальцы свободной руки на резной моржовой ко-

сти ложа арктического безумия.

– И?

– Другие решили, я с ней сплю. Кроме Джорджа. Он ее знает.

– Откуда?

– Лондонский колледж моды. Она там училась на обувном. Два года выпускала собственную линию. Потом уехала в Мельбурн, делает пояса и сумки. Серьезная девушка, сказал Джордж.

– Он учился в Лондонском колледже моды?

– Джордж? Ты чо? В Оксфорде. Встречался с ее однокурсницей.

Холлис поймала себя на том, что воображает все это в Мельбурне, почти никак не связанном с реальным. Они дали по два концерта в Мельбурне и Сиднее, и оба раза она была совершенно дурная от сдвига часовых поясов и от выяснения отношений внутри группы, так что почти не видела самих городов. Ее Мельбурн был коллажем, нарезкой из канадизированного Лос-Анджелеса, викторианской колониальной архитектуры среди бесконечных терраформированных пригородов. Все большие деревья в Лос-Анджелесе, сказал Инчмейл, австралийские. В Мельбурне, надо думать, тоже. Город, в котором она сейчас представляла Клэмми, был не настоящий. Декорация, собранная по кускам из того, что было под рукой. Ей внезапно остро захотелось туда. Не в реальный Мельбурн, а в солнечную приблизительную обманку.

– И она их тебе добыла? – спросила Холлис.

– Заехала утром. Отвезла меня на Брунsvик-стрит. Накормила яичницей с ветчиной в веганском лесбийском кафе.

– Веганской ветчиной?

– У них без фанатизма. Говорили про «хаундсы». Я так понял, она, когда училась в Лондоне, знала кого-то, при ком они начались.

– Они начались в Лондоне?

– Я этого не говорил. Но кто-то здесь разнюхал их уже тогда.

Дно клетки окончательно потемнело, энтомологический рисунок обоев казался цветочным.

– У нас с тобой договор, помнишь? – спросила она.

– Да, но теперь я подумал и не уверен, что тебя устроит.

– Это уж я решу сама.

– Мы позавтракали, потрепались и поехали на барахолку.

Я думал, это вроде как на Портобелло или у Кэмденского шлюза. Но там больше художники, хендмейд. Картины, ювелирка. Сами мастера и торгуют.

– Когда это было?

– В марте прошлого года. Пока мы ели, народ уже встал за «хаундсами» в очередь. Рынок довольно маленький. Мере прямым к очереди, на улице. Перед нами было человек двадцать, даже больше. Думал, мы сразу пойдем к прилавку, но Мере сказала, нам тоже придется стоять.

– Как тебе показались люди в очереди?

– Стояли молча. Серьезно так. С понтом такие, вальяжные. И вроде как все были поодиночке.

– Больше ребят или девушек?

– Ребят.

– Возраст?

– Разный.

Холлис не знала, что для Клэмми «разный».

– И стояли они к...

– Там был стол под старым пляжным зонтом. Мы стояли на солнце, жарились. Он сидел за столом, в тени.

– Он?

– Белый. Тридцатник, может, больше. Американец.

Холлис подозревала, что Клэмми с трудом определяет возраст человека, если тому больше двадцати.

– Как ты понял?

– Я же с ним говорил, когда достоялся.

– О чем?

– Об усадке. Они с запасом под усадку. В поясе после стирки могут жать, потом растягиваются. Тру-размеры, не большемерят.

– О чем-нибудь еще говорили?

– Он не захотел продать мне еще пару. Там были три моего размера. Я ему бабки показываю, он ни в какую: одна пара в руки. Чтоб всем хватило. За нами стояли еще человек двадцать-тридцать.

– Как он выглядел?

– Рыжий, веснушки. Рубашка белая, я прибалдел.

– Отчего?

– Типа «хаундсов». Простая, да не простая. Деньги держал в руке. Только бумажки, никаких монет.

– Сколько?

– Двести австралийских долларов.

– Он был один?

– Еще две тамошние девушки. Подружки Мере. Вообще, это их прилавок. Они торгуют ремнями Мере, футболками со своими принтами, ювелиркой.

– Как зовут, помнишь?

– Не-а. Мере знает.

– Она в Мельбурне?

– Не-а. В Париже.

Холлис чувствовала, как сумрак летающей тарелки заполняет ее поле зрения.

– В Париже?

– Чо, глухая?

– Ты знаешь, как ее найти?

– Будет там на ярмарке винтажа. Два дня. Начало завтра. Ол Джордж там с ней. Инчмейл злой, что Джордж свинтил в Париж, хотя мы еще пишем.

– Мне надо с нею увидеться. Завтра или послезавтра. Устроишь?

– Договор помнишь?

– Да. Звони сейчас, потом перезвонишь мне.

– О'кей, – сказал Клэмми и отключился.
Айфон сразу стал пустым, безжизненным.

Бар на доверии

Она поджидала Милгрима в гостинице. На диване перед прикованным бесплатным макбуком, в левой части Т-образного коридора напротив ресепшен.

Милгрим не видел ее, когда подошел забрать у канадской девушки ключи.

– Вас ждут, мистер Милгрим.

– Мистер Милгрим?

Он обернулся. Она закрывала макбук. Черный свитерок. Рядом на диване – белая сумка и пакет из «Уотерстоуна». Встала, перекинула через плечо сумку, взяла пакет. Визитная карточка, наверное, заранее была у нее наготове.

– Уинни Уитакер, – сказала она, протягивая ему карточку.

В левом верхнем углу эмблема золотым тиснением. УИННИ ТУН УИТАКЕР. Он сморгнул. СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ. Глянул мимо, в лихорадочной попытке найти путь к отступлению, и увидел в уотерстоуновском пакете по меньшей мере двух плюшевых Паддингтонов в фирменных красных шляпах. Снова на карточку. СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИНОБОРОНЫ США (СО-ГУМ).

– Вы меня сфотографировали, – печально сказал Мил-

грим.

– Да. Мне надо с вами побеседовать, мистер Милгрим. Нельзя ли здесь найти место для спокойного разговора?

– Мой номер очень маленький, – сказал он. Это было правдой, хотя Милгрим и сообразил с опозданием, что там ему решительно нечего от нее прятать. – Есть бар, сразу по лестнице.

– Спасибо. – Она махнула уотерстоуновским пакетом, предлагая Милгриму идти вперед.

– Вы долго ждали? – спросил он по пути к лестнице. Голос был механический, словно внутри него говорит робот.

– Больше часа, но мне как раз надо было чирикнуть детям.

Милгрим не знал, что это значит. И он не удосужился раньше оценить размер бара, узнать, сколько там помещений. То, в которое они вошли сейчас, напоминало постановочный интерьерный уголок во флагманском магазине Ральфа Лорена, изображающий красивую жизнь полумифического высшего класса, но раздутый здесь до чего-то совершенно иного, злокачественного и гиперреального.

Милгрим еще раз глянул на карточку – вдруг надпись чудом изменилась. Его спутница тем временем восхищенно оглядывалась по сторонам.

– Ух ты. Как «Риц-Карлтон» на стероидах. Только в миниатюре.

Она аккуратно поставила пакет с Паддингтонами на кожаный пуфик.

– Могу я предложить вам выпить? – спросил механически ровный голос Милгрима. Он последний раз глянул на жуткую карточку и сунул ее в нагрудный карман.

– У них есть пиво?

– Наверняка. – Он с трудом отыскал встроенный холодильник за дверцей красного дерева. – Какое вы предпочитаете?

Она заглянула в холодное матово-серебристое нутро.

– Я тут ни одного названия не знаю.

– «Бекс», – посоветовал его робот. – Он тут не такой, как в Америке.

– А вы?

– Я не употребляю алкоголь.

Он протянул ей «Бекс», а себе взял первую попавшуюся банку прохладительного напитка. Она открыла бутылку чем-то роскошным с рукояткой из оленьего рога и отпила прямо из горлышка.

– Зачем вы меня сфотографировали? – Механический голос почему-то отключился, и Милгрим неожиданно для себя заговорил совсем другим – голосом человека, которого любой полицейский сразу рефлекторно арестует.

– У меня пунктик, – сказала она.

Милгрим сморгнул и поежился.

– Собираательство. Коллекционирую, что под руку попадется. В файликах, главным образом. Бумажки. Фотографии. Иногда вешаю их на стену в кабинете. У меня есть ваш

снимок с наркозадержания в Нью-Йорке в девяносто седьмом.

– Мне не предъявили обвинений, – сказал Милгрим.

– Не предъявили. – Она отхлебнула «Бекса». – И у меня есть копия фотографии с вашего паспорта, разумеется более свежей. А утром, следя за вами, я решила сегодня с вами поговорить. И мне надо было прежде вас щелкнуть. В естественной обстановке, так сказать. Вообще-то, главный мой пункт – фотографии. Не помню, какое решение было первым: поговорить с вами сегодня днем или сделать снимок, что подразумевало дальнейший разговор. – Она улыбнулась. – Что же вы не пьете свою воду?

Милгрим посмотрел на банку, отколупнул крышку и налил в высокий стакан что-то желтое, с пузырьками.

– Давайте сядем, – сказала она и опустилась в кожаное клубное кресло.

Милгрим сел напротив.

– Что я сделал? – спросил он.

– Я не телепат.

– Простите?

– Вы лет десять не заполняли налоговую декларацию. Но, возможно, вы не зарабатывали налогооблагаемого минимума.

– Думаю, не зарабатывал.

– Но теперь вы получаете зарплату?

– Нечто вроде гонораров, – смущенно ответил Милгрим. –

Плюс издержки.

– Довольно значительные. – Она оглядела бар. – В рекламном агентстве «Синий муравей»?

– Формально нет, – ответил Милгрим. Ему не понравилось, как это прозвучало. – Я работаю на руководителя.

Слово «руководитель» было какое-то скользкое.

Она кивнула и тут же снова посмотрела ему в глаза.

– О вас очень мало известно, мистер Милгрим. Колумбийский университет? Славянские языки? Перевод? Работа на правительство?

– Да.

– Нулевое досье в *ChoicePoint*²⁰. Это значит, что за десять лет у вас не было даже кредитной карточки. Не было адреса. Если мне можно высказать догадку, мистер Милгрим, я бы предположила, что у вас были проблемы с наркотиками.

– Да.

– Сейчас вы не похожи на человека, у которого проблемы с наркотиками.

– Правда?

– Правда. У вас есть набор рефлексов, оставшихся от проблем с наркотиками. И у вас возможны проблемы из-за людей, с которыми вы сейчас связаны. Собственно, об этом я и собиралась с вами говорить.

Милгрим отпил из стакана. Что-то вырвиглазное, лимон-

²⁰ Американская финансовая компания, занимающаяся сбором данных о гражданах США для продажи правительственным и частным структурам.

ное. У него навернулись слезы.

– Зачем вы ездили в Миртл-Бич, мистер Милгрим? Знали ли вы человека, с которым там встречались?

– Штаны, – ответил он.

– Штаны?

– Я снял с них натирки. Сделал фотографии. Ему за это заплатили.

– Вы знаете сколько?

– Нет. Несколько тысяч. – Милгрим, не отдавая себе отчета, показал пальцами толщину пачки стодолларовых банкнот. – Скажем, максимум десять.

– И эти штаны были собственностью Минобороны? – спросила она, глядя ему прямо в глаза.

– Надеюсь, нет, – проговорил Милгрим из глубины внезапного отчаяния.

Она отпила большой долгий глоток. Продолжая глядеть с прежним выражением. Кто-то гоготнул в соседнем помещении бара, за дверями все того же красного дерева. Смех вполне подходил к интерьеру.

– Могу вам сказать, что не были.

Милгрим проглотил вставший в горле болезненный комок.

– Не были.

– Но могли быть. И это стало бы проблемой. Расскажите про человека, который их вам показал.

– У него была стрижка «каскад». И черные блекки-кол-

линзовские тотерсы.

– Что-что?

– Тотерсы, – повторил Милгрим. – Я их гуглил. У них нейлоновая мешковина карманов для пистолетов и всего такого. Кордюра-плюс. И накладные карманы для ножей или фонариков.

– Ну да. – Она улыбнулась. – Разумеется.

– Слейт сказал, он из спец-чего-то.

– Не сомневаюсь, что он так думает.

– Спецвойск? Это правда?

– Слейт, – сказала она. – Оливер. Британский гражданин, проживает в Канаде. Работает на фирму «Синий муравей».

– Да, – сказал Милгрим, воображая фотографию Слейта у нее на стене. – А вообще, он больше молчал. Упомянул, что им нужны ластовицы.

– Что-что?

– Ластовицы. Штанам. – И добавил, вспомнив: – Лучший модельер-аналитик «Синего муравья» сказала, они не армейские. Уличные. Думаю, она права.

– Почему?

– Цвет «койот». – Он пожал плечами. – Прошлый год. Ирак.

– Я была в Ираке. Три месяца. В Зеленой зоне²¹. Мне там

²¹ Район в центре Багдада, где до войны располагались виллы правительственных чиновников и несколько дворцов Хусейна; с 2003 г. – особо охраняемый район иностранного присутствия.

этот «койот» тоже намозолил глаза.

Милгрим не мог придумать ответа.

– Это было опасно? – спросил его робот.

– У них есть «Синабон». Я скучала по детям. – Она допила пиво и поставила бутылку на хрустальный подносик с рифленным металлическим ободком. – В магазине подарков вы встречались с его женой. Он тоже был в Ираке. Сперва в элитном подразделении, потом по контракту.

– Я его боялся, – сказал Милгрим.

– Думаю, он неадекватный, – заметила она таким тоном, будто тут решительно нечему удивляться. – Что там такое с «тойотой»?

– С «хайлюксом»?

– Всю помощь здесь я получаю по линии атташе ФБР. Британцы согласились проследить за вами от аэропорта и сообщить, где вы остановитесь. Но их заинтересовала машина.

– Она принадлежит Бигенду, – сказал Милгрим. – Броня установлена фирмой «Янкель», мотор по спецзаказу, шины, которые едут даже после пулевой пробойны.

Он не стал добавлять про «уровень наркокартеля».

– Это его настоящая фамилия?

– Французское произношение вроде бы Бэжан, но он предпочитает английское.

– Зачем ему такой автомобиль?

– Ни за чем. Просто из любознательности.

– Наверное, приятный человек.

– Я не уверен, что так бы о нем сказал. Но безусловно любознательный.

– И с очень серьезными связями. Мои британцы явно сочли, что слежка от аэропорта и название гостиницы – все, что я от них получу. Хотя, может, они и не знают ничего. Во всяком случае, автомобиль их заинтриговал.

– Видимо, по-настоящему чудаковатых богачей не так уж много, – заметил Милгрим. – Даже здесь.

– Мне трудно судить.

Милгрим кивнул и с опаской отпил горького тоника.

– Зачем им данные об этих штанах?

– Они интересуются военными контрактами, – сказал Милгрим. – Разработкой моделей. Выпускать снаряжение можно только в США. Закон такой есть.

– Seriously?

– Мне так сказали.

– Нет, я спросила «серьезно?» про их интерес к военным контрактам.

– Seriously, конечно. Это крупный текущий проект.

– Охрененно смешно.

Милгрим растерянно глядел в свой тоник.

– У вас есть телефон?

– Да. – Милгрим вынул из кармана «нео». – Но Бигенд говорит, он прослушивается.

– Тогда не надо. Я арестовала серьезного преступника, у которого был такой.

Милгрим поежился.

– Не из-за телефона. По другой причине. У вас есть электронный адрес?

– В «Синем муравье».

– Аккаунт в твиттере?

– Что?

– Зарегистрируйтесь в нем. Голубой дельфин два, все буквы заглавные, без пробелов. «Два» – цифрой. На ноутбуке в фойе. Как только допьете эту банку. Сразу поставьте защиту твитов, чтобы они были видны только читателям. Я попрошу меня добавить. Я буду Голубой дельфин один. Добавьте меня, никого больше не добавляйте. Это все равно будут порноботы.

– Порноботы? Это что?

– Я так разговариваю с детьми. Вы регистрируетесь. Будем держать связь через твиттер. Попробуем уберечь вас от беды.

Милгрим поморщился.

– Никуда не уезжайте, не известив меня. То же самое, если соберетесь сменить гостиницу.

– Я должен ехать, куда меня отправляют, – сказал Милгрим. – Это моя работа.

– Вот и отлично. Я буду на связи. – Она встала. – Спасибо за пиво. Не забудьте зарегистрироваться. Голубой дельфин два. Все заглавные. Без пробелов.

Она вышла, он остался сидеть в клубном кресле. Вынул

из кармана карточку. Подержал, не читая, между пальцами.
– Без пробелов, – повторил его робот.

Инфузории

Хайди сидела в кабинетовском баре. На ней была куртка постапокалиптической тамбурмажоретки из тканей разной фактуры, переливающихся всеми оттенками черного.

– Муйловы карточки сработали?

– Две. – Хайди подняла запотевший высокий стакан с прозрачной жидкостью.

Мастер в «Селфридже» не только подстриг ее, но и покрасил, тоже в несколько оттенков. И, судя по всему, она успела побывать в косметическом отделе.

– Что это? – спросила Холлис, указывая на стакан.

– Вода, – ответила Хайди и отпила.

– Хочешь завтра утром со мной в Париж?

– Зачем?

– По моей работе. Там будет ярмарка винтажной одежды. Мне надо найти девушку, которая знает то, что поручил мне выяснить Бигенд.

– Как ты ее нашла?

– Она встречается с клавишником из «Тумб».

– Мир тесен, – сказала Хайди. – А этот единственный нормальный. Остальные инфузории. Ушлепки куриные. Я пас. От гребаных самолетов горло болит.

– Так сейчас поездом – «Евростар».

– Не, я про те, которыми сюда летела. Когда вернешься?

– Если завтра ее найду, то послезавтра. Ладно, возьму Милгрима.

– Как он тебе показался?

– С очень большим прибабахом.

Холлис аккуратно сдула бурый островок пены на своем полупинтовом стакане «гиннесса», чтобы посмотреть, как он сдвинется, и отпила глоток. Она сама не совсем понимала, зачем взяла «гиннесс». Он ей нравился на вид, но не на вкус. Интересно, какой бы он был на вкус, будь вкус такой, какого она ждала на вид? Не угадаешь.

– Хотя, может, это и не плохой прибабах, – продолжала она. – Человек не виноват, что Бигенд его нашел. Мы знаем, как это бывает.

– Роберт отыскал мне спортзал. Старой школы. В Ист-Сайде.

– В Ист-Энде. Не Сайде.

– Он клевый.

– Не замай. «Мирных жителей не трогать», помнишь? Если бы ты держалась правила, не разводилась бы сейчас с муйлом.

– На себя посмотри. Хахаль на ютубе, прыгает с небоскребов.

– Это было твое правило, не мое. После боксеров у тебя были только музыканты.

– Инфузории, – кивнула Хайди. – Ушлепки куриные.

– Я бы тебе заранее сказала.

– Ты говорила.

Гул разговоров в баре внезапно стих. Холлис подняла голову и увидела исландских двойняшек в сияющем ореоле меховых волос. За ними с какой-то особой родственной заботой шествовал Бигенд.

– Черт, – сказала Холлис.

– Я сваливаю, – объявила Хайди.

Она поставила стакан, встала и раздраженно передернула плечами под новой курткой.

Холлис тоже встала, держа стакан в руке.

– Мне надо с ним поговорить. Про Париж.

– Вот ты и говори.

– Холлис! – воскликнул Бигенд. – И Хайди! Какая приятная встреча!

– Мистер Большой Конец, – пробормотала Хайди.

– Разрешите познакомиться. Эйдис и Фридрикка Брансдоттир. Холлис Генри и Хайди Хайд.

Эйдис и Фридрикка синхронно изобразили одинаковые улыбки.

– Я ухожу, – сказала Хайди.

Пока она шла, все мужчины в баре провожали ее взглядами.

– Ей нездоровится, – объяснила Холлис. – Горло болит после перелета.

– Она певица? – спросила то ли Эйдис, то ли Фридрикка.

– Драммерша, – ответила ее сестра.

– Можно вас на минуту, Губерт? – Холлис повернулась к двойняшкам: – Прошу прощения. Усаживайтесь.

Исландки сели в кресла, с которых встали Холлис и Хайди, и Холлис подошла ближе к Бигенду. Он сменил синий костюм на черный из странной светопоглощающей ткани: казалось, у нее нет поверхности. Сплошная черная дыра из антиматерии пополам с ангорской шерстью.

– Я не знал, что Хайди здесь, – заметил он.

– Мы все удивились. Но я хотела сказать, что еду завтра в Париж. Попытаюсь поговорить с девушкой, которая, возможно, что-то знает про «Хаундс». Я бы хотела взять Милгрима.

– Вы поладили?

– В целом да.

– Я поручу Памеле связаться с вами по мейлу. Она бронирует билеты и гостиницу.

– Не стоит. Я буду записывать расходы. Но мне не хочется освобождать номер здесь, так что я оставлю его за собой, а вы можете заплатить.

– Я уже заплатил. Плюс на непредвиденные траты. Можете что-нибудь заранее сказать мне про Париж?

– Возможно, я вышла на людей, которые как-то связаны с созданием «Хаундс». Возможно. Больше я пока ничего не знаю. И это может оказаться ложный след. Я позвоню вам от-

туда. А сейчас не буду отвлекать вас от спутниц. – Она улыбнулась в сторону Эйдис и Фридрикки, которые полярными пушными зверьками свернулись в одинаковых креслах. – До свидания.

18

140

«Нео» зазвонил, когда Милгрим все еще пытался разобрататься с твиттером. Он зарегистрировался как ГОЛУБОЙ-ДЕЛЬФИН2. Читателей нет, не в читателях ни у кого. Обновления защищены, что бы это ни значило.

Резкий псевдомеханический звонок заставил девушку застойкой поднять голову. Милгрим смущенно улыбнулся ей из-за гостиничного ноутбука и поднес к уху неудобный «нео».

– Алло?

– Милгрим?

– Слушаю.

– Холлис. Как вы?

– Хорошо, – машинально ответил Милгрим. – А вы?

– Можете поехать завтра в Париж? Ранним «Евростаром».

– Что это?

– Поезд, – ответила она. – Туннелем. Так быстрее.

– Зачем? – Собственная интонация показалась ему детской, подозрительной.

– Я нашла девушку, с которой нам надо поговорить. Она будет там завтра и послезавтра. Дальше не знаю.

– Мы надолго?

– На день, если повезет. В семь тридцать на вокзале Сент-Панкрас. Я скажу в «Синем муравье», чтобы за вами прислали машину.

– Губерт в курсе?

– Да, я только что с ним говорила.

– Хорошо. Спасибо.

– Я попрошу водителя позвонить вам в номер.

– Спасибо.

Милгрим отложил телефон и вернулся к почте и твиттеру. Там только что пришел запрос на чтение от ГОЛУБОЙ-ДЕЛЬФИН1. Милгрим подтвердил его. Теперь надо было рассказать ей про Париж. Обрывками по 140 знаков, как он понял.

Когда он заканчивал писать, какая-то СиндиБраун32 прислала ему запрос на чтение.

Памятуя о словах Уинни, Милгрим отклонил запрос. Потом вышел из твиттера и из почты. Закрыл ноутбук.

– Доброй ночи, мистер Милгрим, – сказала девушка за стойкой регистрации, когда он шел к лифту.

Милгрим чувствовал, как нечто новое и большое пытается в нем улечься. Он то ли сменил хозяина, то ли приобрел нового. Или просто испугался Уинни больше, чем боится Бигенда? А может, боится, что Бигенда не окажется рядом?

– Изолировали, – сказал Милгрим матированной стальной стене японского лифта, как только закрылась дверь.

Он вырвался из тесного и жесткого мира в более простор-

ный, где выполнял задания-просьбы Бигенда, и внезапно новый мир оказался вовсе не таким уж вольготным. Черед номеров в гостиницах, которые он не выбирал. Простые поручения, включающие перелеты. Анализы мочи. Всякий раз новая упаковка лекарства.

Вспомнив про лекарство, Милгрим мысленно пересчитал капсулы. Осталось на двое суток. Что бы в этих капсулах ни было.

Дверь открылась в коридоре третьего этажа.

Принять лекарство. Почистить зубы. Сложить вещи в дорогу.

Когда он последний раз был в Париже? Казалось, он – никогда. Там был кто-то другой, в его двадцать с небольшим. Загадочная предыдущая версия, до которой так безжалостно докапывалась психотерапевт в Базеле. Гипотетическое молодое «я». До того, как все стало сперва не очень хорошо, потом плохо, потом очень плохо. Хотя к той поре он научился выключаться. И почти не включаться.

– Прекрати пялиться, – с порога сказал Милгрим манекену. – Жалко, что нечего почитать.

Он уже давно ничего не читал для удовольствия. Собственно, с начала лечения. Да, в клинике было несколько глянцевого, странно выхолощенных журналов, которые уборщицы каждый день складывали в аккуратную стопку. Однако Милгрим, листая их, понял, что это не более чем наглая реклама богатства, здоровья и ограниченности.

Надо будет купить книгу в Париже.

Чтение, сказала психотерапевт, вероятно, было его первым наркотиком.

«Присутствия»

Закидывая в сумку косметику, Холлис заметила, что на полке рядом с раковиной нет фигурки Синего муравья – ее не сработавшего тотема против Бигенда. Горничные переставили при уборке? Наверное, хотя на них не похоже. Она застегнула косметичку. Проверила в зеркале прическу. Из-за узорной решетки бессмысленным плавным потоком лился голос бибисишного тембра.

Назад, мимо запотевшего стекла и никелированных труб уэллсовского душа, завешанного сейчас махровыми полотенцами.

Обводя взглядом номер – не забыла ли чего, – она увидела три нераспакованные коробки с британскими экземплярами своей книги. Вспомнила Милгрима, как тот при первой встрече в испанском ресторанчике выразил интерес. Бигенд, разумеется, заговорил на эту тему, и Милгрим тогда взглянул на Холлис с новым уважением, узнав, что она написала книгу.

Надо будет подарить ему экземпляр.

Она взгромоздила тяжеленную коробку на неубранную постель и гостиничным викторианским штопором вспорола клейкую ленту. Изнутри пахнуло книжным магазином, но

запах был плохой, химический. «Присутствия» Холлис Генри. Каждая квадратная книга затянута в пленку. Холлис взяла верхнюю и сунула в боковой карман чемодана на колесиках.

По зеленому пограничному коридору к лифту, вниз в пахнущий кофе вестибюль, где молодой человек в черепаховых очках подал ей закрытый бумажный стакан кофе с молоком и кабинетовский зонт.

– Машина уже здесь?

– Да.

– Зонт мне не понадобится, спасибо.

Молодой человек вынес ее чемодан на колесиках и убрал в открытый багажник черного «БМВ». Из-за руля вылез юный бородач, который прошлый раз впустил ее в здание «Синего муравья».

– Джейкоб, – с улыбкой напомнил он.

Мотоциклетная куртка из вошеного хлопка придавала ему этим дождливым утром какую-то обреченную удаль. Еще бы в руки пистолет-пулемет «стен» или что-нибудь столь же похожее на кусок водопроводной трубы.

– Да-да, – сказала Холлис. – Спасибо, что заехали.

– Пробок пока мало. – (Открывая ей дверцу.)

– Мы встречаемся с мистером Милгримом?

Когда Джейкоб усаживался обратно за руль, она заметила у него на ухе беспроводную гарнитуру.

– Обо всем позаботились. Его заберут. Готовы ехать в Па-

риж?

– Надеюсь, что да, – ответила Холлис.

Машина отъехала от тротуара.

Они свернули на Глостер-плейс. Если бы Холлис шла пешком, она бы выбрала Бейкер-стрит, о которой грезила в детстве и которая до сих пор сохраняла для нее острый привкус разочарования. Хотя, быть может, шерлок-холмсовские приключения ждут в Париже, до которого теперь можно добраться подземкой.

На Мэрилебон, где они то и дело вставали в пробке, Холлис постоянно видела одного и того же курьера на мотоцикле, в пластиковой самурайской броне. Его желтый шлем был покорябан сзади, словно некая огромная кошка цапнула мотоциклиста, но не поймала. Царапины неуклюже залепили отстающим серым скотчем. Курьер постоянно обгонял машину, лавируя между полосами. Холлис никогда не понимала, как это получается.

– Надеюсь, что сумею разыскать Милгрима на вокзале.

– Не волнуйтесь, – сказал Джейкоб. – Его к вам подведут.

>>>

Небесно-синяя огромность ажурного стального свода. Нарастающий грохот. Голуби, невозмутимо занятые своими глубинными делами. Никто не строит таких вокзалов, как европейцы, подумала Холлис, и у британцев это получается

лучше всех. Вера в инфраструктуру, помноженная на вынужденное умение приспособлять старое к новым нуждам.

Один из рослых водителей Бигенда, придерживая гарнитуру в ухе, уверенно пробирался через толпу; за ним, как лодочка на буксире, следовал Милгрим. Он по-детски ози-рался, сияя мальчишеской радостью от сине-стального ажур-ного великолепия, от игрушечной грандиозности огромного вокзала.

Когда Холлис двинулась к нему, колесико ее чемодана за-щелкало.

Дополненное

Милгрим, листавший «Присутствия. Локативное искусство в Америке», поднял глаза от квадратных глянцевых страниц и увидел, что Холлис тоже читает. Что-то в черном матерчатом переплете, без супера.

Они были где-то под Ла-Маншем. Сидели в бизнес-премиум-классе, где был вайфай и круассаны на завтрак. Или не вайфай, а что-то мобильное, для чего нужна штучка, которую Холлис назвала «USB-модем». Когда Милгрим попросил разрешения выйти от нее в интернет, она воткнула такую в свой макбук, совсем тонкий («эйр», сказала она). Милгрим хотел посмотреть, ответила ли Уинни, но в твиттере ничего не было. Он написал: «Едем через Кент», потом стер. Набрал в гугле «Холлис Генри» и нашел ее страничку в Википедии. Странно было читать, сидя напротив, через стол, хотя она и не видела, что он смотрит. Впрочем, сейчас, в туннеле, интернета уже не было.

Статья в Википедии была датирована 2004 годом. Автор утверждал, что Холлис на сцене выглядела «термоядерной версией Франсуазы Арди». Милгриму пришлось погуглить Франсуазу Арди, чтобы сравнить. Французская певица показалась ему более традиционно миловидной, и он не пони-

мал, что в таком контексте значит «термоядерная». Возможно, автор пытался передать свои ощущения от того, что она излучала в живом исполнении. Сейчас Милгрим ничего такого не видел.

Его смутному представлению о рок-певице Холлис не соответствовала. Она скорее выглядела женщиной на работе, где нет дресс-кода. Примерно такой, насколько он понял, и была ее работа у Бигенда.

Когда он вернул ей компьютер, она протянула ему экземпляр своей книги.

– Боюсь, тут все больше картинки, – сказала Холлис, растегивая карман черного чемодана и вытаскивая глянцевую, запаянную в пленку книгу.

На обложке была фотография скульптурной группы: несколько высоких обнаженных женщин с маленькими грудями, одинаковыми прическами вроде шлемов и в одинаковых браслетах. Женщины стояли на цветочной клумбе и были из чего-то вроде застывшей ртути, так что в них отражалось все вокруг. На задней обложке было то же место, но без сурово-эротических зеркальных фигур, которые на первой фотографии заслоняли вывеску на здании. Здесь ее можно было прочесть: «Шато-Мармон».

– Мемориал Хельмуту Ньютону, – объяснила Холлис. – Он тут жил. Часть времени.

– А сзади «до»? – спросил Милгрим.

– Нет, – ответила она. – Это что вы там видите – недопол-

ненное. Спереди то, что видите, – дополненное. Композиция привязана к *GPS*-координатам... Чтобы увидеть дополненную реальность, надо прийти на место и посмотреть через специальное оборудование.

– Никогда про такое не слышал, – сказал Милгрим, глядя на заднюю обложку, потом на переднюю.

– Когда я писала книгу, доступных инструментов еще не было. Художники создавали собственные. Теперь это приложение к айфонам. Тогда пришлось основательно повозиться, чтобы получить качественные картинки. Мы снимали участок в высоком разрешении с максимального количества ракурсов, объединяли снимки и выбирали лучший.

– Вы сами это делали?

– Я выбирала, а съемкой и рендерингом занимался Альберто. Мемориал Ньютону – его творение, но он подготовил для книги и остальные. – Она отбросила упавшую на глаз челку. – Локативное искусство, вероятно, зародилось в Лондоне, и здесь его много, но я решила ограничиться Америкой. Отчасти чтобы не разбрасываться, отчасти потому, что оно странным образом привязано к месту. Я решила, что с американским у меня чуть больше шансов хоть что-нибудь понять.

– Вы, наверное, хорошо разбираетесь в искусстве.

– Ничего подобного. На локативное набрела случайно. Нет, не совсем так. Идею подал Бигенд. Хотя тогда я этого не поняла.

Милгрим подсунул ноготь под пленку.

– Спасибо, – сказал он. – Должно быть, очень интересно.

Сейчас, поймав на себе его взгляд, она закрыла черную книгу и улыбнулась.

– Что вы читаете? – спросил Милгрим.

– «Одинокий волк» Джеффри Хаусхолда. Про человека, который пытался убить Гитлера или кого-то очень похожего на Гитлера.

– Хороший роман?

– Очень. Хотя здесь куда больше про английскую сельскую местность. Последняя треть, как я поняла, целиком разворачивается в барсучьей норе под изгородью.

– Мне понравилась ваша книга. Как будто люди смогли зафиксировать свои сны и оставить там, где их смогут увидеть другие, если знают способ.

– Спасибо. – Холлис положила «Одинокого волка» на стол, не отметив страницу, на которой остановилась.

– Вы их все сами видели?

– Да.

– Какая ваша любимая?

– Ривер Феникс на тротуаре. Его я увидела первым. Единственный раз. Больше туда не возвращалась, чтобы не портить впечатление. Наверное, из-за этого впечатления я и решила написать книгу.

Милгрим закрыл «Присутствия» и положил на стол напротив «Одинокого волка».

– С кем мы встречаемся в Париже?

– С Мередит Овертон. Она училась в Колледже моды. Обувь, кожа. Живет в Мельбурне. Или жила. В Париже на «Салон дю вэнтаж», что-то продает. Она там с клавишником по имени Джордж из группы «Тумбы». Слышали про такую?

– Нет.

– Я знакома с другим парнем из этой группы плюс с человеком, который их продюсирует.

– Она знает про «Габриэль Хаундс»?

– Тот другой парень из «Тумб» сказал, она в студенческие годы дружила в Лондоне с кем-то, кто участвовал в создании «Хаундс».

– Они возникли в Лондоне?

– Не знаю. Клэмми познакомился с нею в Мельбурне. На ней были «хаундсы», он хотел такие же. Она знала, где их будут продавать в Мельбурне. На художественной ярмарке. Он пошел с нею и купил джинсы. Сказал, ими торговал американец.

– А она станет с нами говорить?

– Не знаю. Попробуем.

– Что в них такого? И почему Бигенд ими интересуется?

– Он считает, кто-то копирует его самые заветные маркетинговые стратегии.

– И люди хотят эти джинсы, потому что их невозможно достать?

– Отчасти.

– Наркотики высоко ценятся, потому что их нельзя достать, не нарушая закон.

– Я думала, наркотики высоко ценятся, потому что они действуют.

– Это обязательное условие, но рыночную цену создает запрет. Часто их производство не стоит практически ничего. Так что все работает в одну сторону: они действуют, вы в них нуждаетесь, они под запретом.

– Как вы избавились от зависимости?

– Мне заменили кровь. Делали переливания. И одновременно снижали дозу. И еще есть парадоксальный антагонист.

– Это что такое?

– Точно не знаю, – ответил Милгрим. – Другой препарат. И плюс когнитивная терапия.

– Страшно слушать.

– Терапия мне нравилась, – сказал Милгрим.

Он чувствовал у себя на груди паспорт, надежно упрятанный в чехол Фарадея.

Мокрая от дождя Франция возникла за окном, словно по щелчку выключателя.

21

Минус первый

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.